

Георгий
МОСЕШВИЛИ

ИЗБРАННОЕ

Георгий Мосешвили
Избранное. Том II

«Пробел-2000»

2014

УДК 821.161.1-1 Мосешвили
ББК 84 (2Рос+Рус) 6-5

Мосешвили Г. И.

Избранное. Том II / Г. И. Мосешвили — «Пробел-2000»,
2014

Вашему вниманию представляется сборник стихов Георгия
Мосешвили.

УДК 821.161.1-1 Мосешвили
ББК 84 (2Рос+Рус) 6-5

© Мосешвили Г. И., 2014
© Пробел-2000, 2014

Содержание

Стихотворения, не включенные в авторские сборники, незавершенное, наброски	10
«Вы задумались. Я молчу...»	10
Памяти Малера	11
Могила Пастернака	12
«За любовь твою ко мне Аллилуйя!...»	13
Саше Чёрному	14
«Дождь из перьев, пёрышки дождя...»	16
«Может быть, мечтою странной...»	17
«Над миром городов...»	18
Свобода	19
«Встретились на краткое мгновенье...»	20
Dead Babies[7]	21
Сожжённое сомнение	22
«Прощай, мой месяц, крёстный мой отец...»	23
«...И внимая тихому напеву...»	24
«Коль вернётся – что сказать...»	25
«За лицемерный смех души печальной...»	26
«Милое Прошлое – время вчерашнее...»	27
«Греховное – в своих железных латах...»	28
I	28
II	28
III	28
IV	29
Новая Весть	30
Авторизованный перевод из Метерлинка	31
«Истина невысказана без чуда...»	32
Памяти Гумилёва	33
I	33
II	33
Сонеты памяти Че Гевары	34
«И восходило солнце над Москвой...»	36
«Прощайте все, прошу меня забыть...»	37
«Мне твердят, что я сентиментален...»	38
«Печален путь того, кто позабыт...»	39
«Незнакомый светлый лик...»	40
«Ночью нежный и неожиданный...»	41
«Тают звёзды золотые...»	42
«Жизнь всегда жива, а Смерть – мертва...»	43
Поэт	44
«Бедный раб, доколе нам терпеть?...»	45
«В небе – ни зги. Ливень. Гроза...»	46
«Я верю в то, что нет случайных встреч...»	47
«Есть ли в сомнениях смысл и какой?...»	48
«Когда Блок писал „Двенадцать“...»	51
Кривулин	52

«Дано в привычках нам и ощущениях...»	53
«В брошенной деревне...»	54
«Над домом поэта всегда – догорающий свет...»	55
«Воображение – суетный удел...»	56
«Две стрелы...»	57
«Век мой! Я ли жил...»	58
«Читать стихи Марины и совсем...»	60
Соло	61
«Сотрите с лиц следы тупого грима...»	62
«О тех, кто верует в Христа...»	63
«В полночь над Сеной пляшут тени...»	64
«Память, упавшая в Лету, не надо забвенья...»	65
Жемчужина	66
Подражание М.Ц.	67
«Есть в этом мире обители чистой святой тишины...»	68
«Я с Вечностью на ты. Но не запанибрата...»	69
«Я заключил себя в бумажный храм...»	70
«Слышу весть о Солнце! Мне ли...»	71
«Сначала клетку нарисуйте...»	72
«Вначале было Слово. Слово Бог...»	74
«Мир возвращается утром в покинутый дом...»	75
«Здравствуй, чистая Россия...»	76
Спичка	77
Сигарета	78
Пепельница	79
«Город, давно изнемогший от выпрених слов...»	80
Благословение	81
«Надежда на античность умерла...»	83
Tertium non datur[11]	84
«Пока не стало пылью звездных тел...»	85
«Братья, над нами чужой небосвод...»	86
«Услышь меня, пойми меня, пойми...»	87
«Вновь и вновь было утро – и воздух дрожал...»	88
«Смерть не лукавый приторный обман...»	89
«Никто не знал, когда настанет полдень...»	90
«На каждом окне – крест...»	91
«Вот дом, который построил Катулл...»	92
«То пламя, что, подобно мотыльку...»	93
«Скажи мне, Солнце, где тебя искать?...»	94
«Песочные часы...»	95
«И это грустное вино...»	96
«Джауфре Рюдель, любить издалика...»	97
«Помянем время без часов...»	98
«Не печалься, если я молчу...»	99
Люди и тени	100
Солнечные Часы	101
«Ночь поглощает сегодняшней пепел...»	103
«Поль Клодель в погоне...»	104
«Под солнцем, убивающим цикад...»	105

«Мой мир похож на пустой дом...»	106
«У музыки свои законы...»	107
«Я слишком часто видел сны...»	108
«Крест и костёр. Последний привал...»	109
«О, эти бронзовые цепи...»	110
«Это памятный день...»	111
«Вечность-горбунья, беден твой дом...»	112
«Таков мой город. Сотни городов...»	113
«Кровью река течет в каменном сердце твоём...»	114
«Дом из дерева. Вид...»	116
«Ты счастлив ли, хозяин добрый мой?...»	117
«Осенние черные птицы...»	118
«Бездомное белое облако...»	119
«Дом. Золотая соль...»	120
«Не выходя из комнат...»	121
«На корабле, скользящем так легко...»	122
Звезда	123
«Детство моё, ты приходишь всё чаще...»	125
«Двести лет назад чёрный дуб стоял...»	126
«Четыре предмета в школе...»	127
«Богу помолимся в тишине...»	128
«Смотри: попадешь в тиски...»	130
Рогово	131
I	131
II	131
III	132
Памяти Высоцкого	133
«Церковь...»	135
«Детским почерком...»	136
«В доме напротив горит...»	137
«Небосвод из серого камня...»	138
«Здесь есть деревни без названья...»	139
«Нам никто не ответит...»	140
«Сварим зелье из вечерних трав...»	141
Из Римских этюдов	142
Из Римских этюдов	143
«Господи, останови Солнце...»	144
«Блестящий недоучка, ноября...»	145
Ушедшим поэтам	146
«Не прерывай меня, пока мой голос тих...»	147
«Здесь музыка – преображенье Слова...»	148
«Вот и опять белизна права...»	149
«Сказка фальшивых блессток...»	150
«Сколько лет уже прошло...»	151
«Тот, чьё мощное дыханье...»	152
«Всё легче и тише – и лучше для всех...»	153
Тёмная музыка	154
«Я видел эту столицу...»	157
«Из блестящей мишуры...»	158

«Здравствуйте, вещи века...»	159
«Из памяти сердца уходят слова...»	160
«Густав Малер, из твоей...»	161
«Иронический пафос, высокий холод...»	162
Польской сестре	163
«Так записано в вечной Торе...»	164
«В четыре дня проходит год...»	165
«Долго жили, твёрдо знали...»	166
«Любимая, где мы? Что это за дом?...»	167
«Меня ждёт смерть. Письмом, на полуслове...»	168
«Научи меня дыханию...»	169
Письмо почти всерьёз	170
«Я пишу ни для кого...»	171
Письмо к Марии	172
Дао навыворот	173
Письмо из XVIII века	174
Эпитафия	175
«Сильнейший из сильных идёт на войну...»	176
«Чем дольше длится день, тем солнце ниже...»	177
Русский язык	178
[Незавершённый венок сонетов]	179
I	179
II	179
III	180
IV	180
V	180
VI	181
VII	181
VIII	182
Тёмные сонеты	184
I	184
II. Сон деревьев	184
«Бабочки шепчут ночью...»	185
«Зажгите огонь хотя бы во сне...»	186
«Дарвин заводит шарманку свою...»	187
«Идти по незнакомой улице легко...»	188
«Храни свои воспоминанья в тайне...»	189
Неправильная сирвента	190
«Я голос тёмной комнаты. Переведи меня...»	191
Ныне и прежде	192
«Город опять оглох и ослеп...»	193
Автопортрет	194
«Я подарю тебе долгие дни...»	195
«Когда тростник сломается...»	196
Баллада одиночества	197
Нострадамус	198
«Эта горькая луна...»	199
«Я найду иное время года...»	201
Памяти И. В. Цветаева	202

I	202
II	202
III	202
Песенка трубадура	203
«Не верь легендам старинной зимы...»	204
«О память! – вечный вечер...»	205
«Когда-нибудь меня найдут уснувшим...»	206
Иная музыка	207
Второе письмо к Марии	209
Предисловие о Германе Франке[19]	210
Письмо о ручье	211
I	211
II	211
III	211
IV	211
V	212
VI	212
VII	212
VIII	212
IX	212
X	213
XI	213
XII	213
XIII	213
XIV	214
XV	214
XVI	214
XVII	214
«Если скажу тебе всё, что умею сказать...»	215
Конец ознакомительного фрагмента.	216

Георгий Мосешвили Избранное. Том II

© Л. А. Пименова, 2014

© ПРОБЕЛ-2000, 2014

Стихотворения, не включенные в авторские сборники, незавершенное, наброски

«Вы задумались. Я молчу...»

Вы задумались. Я молчу.
Свет – в непроглядной мгле.
Не дай Бог погасить свечу,
Что горит на столе...

25.02.1974

Памяти Малера

*Я прикажу оркестру
Где-нибудь в людном месте...*

И. Северянин

Ночью, при ярком свете не фонарей – созвездий,
В час, когда в целом мире люди ложатся спать,
Я прикажу оркестру где-нибудь в людном месте
В память Густава Малера траурный марш играть...

Время его настало! Начинайте, маэстро!
Начинайте программу маршем в манере Калло.
Эй, счастливые люди! Слышите плач оркестра?
То над Добром убитым рыдает-хохочет Зло.

Лучше в костёр – живому, лучше к чертям – на вертел,
Чем, как святой Антоний, бесплодным огнём гореть.
Подлость и святотатство могут избежать смерти,
Но Доброта и Святость – обречены на смерть.

Пусть грохочут литавры, пусть безумствуют скрипки
В бешеном вихре скерцо, чтобы каждый готов
Был в этой страшно-сладкой дьяволовой улыбке
Видеть облик Кандидова «лучшего из миров».

Люди будут напрасно ждать в эту ночь рассвета,
Заслушавшееся Время остановит свой бег...
Наша больная совесть требует нас к ответу,
Малер сегодня ночью судит двадцатый век.

Подлость и святотатство, вам не уйти от мести!
В час, когда люди в городе будут спокойно спать,
Я прикажу оркестру где-нибудь в людном месте
В память Густава Малера «Песнь о Земле» играть.

1974

Могила Пастернака

Тихий свет звезды печальной,
Ожидание разлуки,
И симфонии прощальной
С неба льющиеся звуки,

И заката луч последний,
Словно царь над целым миром.
...Колокол звонит к обедне,
Но давно безмолвна лира...

1974

«За любовь твою ко мне Аллилуйя!..»

За любовь твою ко мне Аллилуйя!
За тепло весенних дней Аллилуйя!
За письмо моей любви Аллилуйя!
И за нежность губ твоих Аллилуйя!

За стихи в вечерний час Аллилуйя!
И за зелень этих глаз Аллилуйя!
За чудесный голос твой Аллилуйя!
За все дни мои с тобой Аллилуйя!

За восьмое декабря Аллилуйя!
За мои страдания зря Аллилуйя!
За отказ мне одному Аллилуйя!
За любовь твою к нему Аллилуйя!

1974

Саше Чёрному

Ох, уже эти мне дотошные потомки,
Любопытные Варвары всех времён!
Собирающих осколки да обломки
Прошлых лет число от века – легион.

В мемуарах старой дурочки-девицы
Чуть вранья – а уж потомки – тут как тут.
Что не сыщут – вспомнят деды-очевидцы,
Что не вспомнят – внуки сами приплетут.

Ах, поэзия двадцатого столетья —
Благовиднейший предлог для трепотни.
Ходасевич, мол, вращался в высшем свете,
И писал Волошин в стиле «Иверни»¹.

Я предвижу, что таким же тихим бредом
Нам проклятые потомки отомстят.
Станет Бродский нудным классиком-поэтом,
Чьи стихи тупые школьники твердят.

Кто-то страшный замечается на стуле,
Втиснув голову под лиственницы сень.
Бац! – статья: «Как редактировал Кривулин
Прогрессивный орган века «Тридцать Семь»².

Он напишет, что Охапкин³ был – пророком,
А Савицкий⁴ чисто выбритым ходил.
Раз пятнадцать перепутав Блоха⁵ с Блоком,
Он напишет, что Алейников не пил!

И добавит тоном, смешанным с слезою
(Были, мол, поэты, были, да ушли!),
Что печатался Алейников порою
В эротическом журнале «Ширали»⁶.

«В Драгомощенко стихах такая горечь, —
Он воскликнет, – что хоть падай, а хоть стой».

---

¹ «Иверни» – сборник стихотворений М. А. Волошина.

² «37» – поэтический журнал, выходивший в Ленинграде в самиздате (1976–1981).

³ Олег Охапкин (1944–2008) – поэт, в 1970-е гг. активный деятель ленинградского самиздата.

⁴ Дмитрий Савицкий – поэт, писатель, ведущий радиостанции «Свобода».

⁵ Очевидно, подразумевается художник и издатель Максим Блох, адресат ряда юношеских стихотворений Георгия Мосешвили, учившийся с ним в одной школе.

⁶ Намек на поэта Виктора Ширали, в 1970-1980-е гг. деятеля ленинградского литературного андерграунда.

Он напишет, что пленяла Самойлович
Современников предлинною косой...

«Дождь из перьев, пёрышки дождя...»

Дождь из перьев, пёрышки дождя...
Та, что вас любила – умерла.
Что вам нужно, птицы, от меня?
Перья капель, капельки пера...
Умерла ты – значит, умер я.
Я не знаю, где я и зачем.
Копоть капель, саван из дождя...
Но неужели больше никогда?
Копоть перьев. Так улетайте же, птицы,
И гнёзда оставьте. Что? Нет?
Это время не для перелётов?
Это неважно. Ласточки утра, летите из
комнаты прочь!
И вы прочь, вечерние птицы!
Что? Не хотите?
Останьтесь, тогда я уйду.
Сажа перьев – копотью дождя...
И я уйду. Моя судьба отчасти
Повсюду быть, отчасти быть нигде.
Останьтесь здесь, о ласточки несчастья,
В покинутом хозяином гнезде.

«Может быть, мечтою странной...»

Может быть, мечтою странной
Увлёклись сегодня Вы.
Вам казалось: Божий Ангел.
Это – зеркало, увы...

Волосы Элеоноры
Распустились на ветру.
Моему явился взору
Облик нежный поутру.

Несомненно, нет резона
Ревность мужа вспоминать.
Я, крылатый и влюблённый,
Научу и Вас летать.

Муза лжи колец нанижет
Вам презрительных речей
Пастуха, чья гордость выше,
Чем гордыня королей.

«Над миром городов...»

Над миром городов
Небесный град стоит.
Есть земли облаков
Над облачной землёю.
За веру тёмных снов
Господь меня простит,
Господь меня простит,
И будет свет – со мною.

Я верю в Божий свет
И в грозный Судный День,
Но есть иной обет —
Есть вера сновидений.
Без Бога чуда нет,
И сон – всего лишь тень,
И сон – всего лишь тень,
А я – лишь пленник тени.

О, это странный плен:
Так гаснет пламя свеч,
Так сумрачный Нерон
Сжигает стены Рима.
Не вырваться из стен,
Но невозможно сжечь,
Но невозможно сжечь
То, что неопалимо.

Ты истинно всеблаг,
Господь, а мы – грешны.
Огонь Суда зажжён
Над сумраком предместий.
Но если сгинет мрак,
Мои стихи и сны,
Мои стихи и сны
Умрут со мною вместе.

Свобода

А. Ч.

Вы, эксперты фальшивой страсти,
Святоши и дармоеды,
Помните ли, как Искатель Счастья
Учеником был предан?
Слышите: в горе своём застонали
Даже небесные своды?
Это люди Любовь распяли,
Это распяли Свободу!
Нам говорят о свободе серой
Под диктаторской тенью.
Он говорил о Свободе веры,
О Свободе прощенья.
Это слово рубили мечами,
Живым зарывали в землю,
Но люди планеты Земля веками
Этому слову внемлют.

Умиравший был во власти
Слишком страшного бреда:
«Помните ли, как Искатель Счастья
Учеником был предан?
Вы, которые растоптали
Пепел святой Руана,
Помните ли, как в костре сжигали
Тело живое Жанны?»

«Встретились на краткое мгновенье...»

Встретились на краткое мгновенье —
И навек прощаться им пора —
Девушка, живущая в Забвенье,
Юноша из вечного Вчера.

И была небесным откровеньем
(Чистый голос, быстрых рук игра!)
Девушка, живущая в Забвенье,
Юноше из вечного Вчера.

И я знаю: в смутный час волненья
Будет вспоминать по вечерам
О принцессе с Острова Забвенья
Юноша-мечтатель из Вчера...

Февраль-март 1975

Dead Babies⁷

Не рыдайте об умерших детях,
Их к себе на небо взял Христос,
Им не надо больше ваших денег,
Им не надо больше ваших слёз.

Ваши лица строги и серьёзны,
Сбросьте маску горя своего!
Плакать об умерших слишком поздно,
Им теперь не нужно ничего.

Мать рукой дрожащей поправляет
Локоны у бледного чела,
Плачет Джон и в голос Энн рыдает:
Маленькая Бетти умерла.

Над могилой насыпают землю
И уходят: дома ждёт еда...
Тихим летним днём земля приемлет
Маленькую Бетти навсегда.

Джонни продаёт автомобили,
Энн-сестрица замужем давно,
Маленькая Бетти спит в могиле,
Спит последним непробудным сном.

Год идёт за годом. Зимний ветер,
Как о чём-то чистом и святом,
Плачет по ночам о крошке Бетти,
Спящей под заржавленным крестом...

Не рыдайте об умерших детях,
Им теперь не надо ваших слёз,
Утешайтесь: рай высок и светел
И к безгрешным милостив Христос.

Бросьте плакать об умерших детях,
Лить потоки лживых слёз, скорбя,
Спи спокойно, маленькая Бетти:
Мир был слишком грязен для тебя.

13.06.1975

---

⁷ Вариация на тему одноименной песни Элиса Купера.

Сожжённое сомнение

За горечь и презренье,
Обиды и прощенья,
За головокруженье
И яд бесценный стрел,

За чувств и дум смятенье,
Тревоги, треволненья,
Еретика Сомненье
Сжигают на костре.

Сжигают: слишком мрачен.
Сжигают: долг оплачен.
Сжигают: это значит —
Умри и замолчи.

А он горит – не плачет,
А он улыбку прячет,
И терпят неудачу
Не он – а палачи.

Он знал любви мученья,
Он знал нужду, гоненья,
Ни пыткой, ни сожженьем
Его нельзя сломить.

В костре сгорят поленья,
Из плоти – станет тенью
Владычество Сомненья
Над Богом и людьми.

3.08.1975

«Прощай, мой месяц, крёстный мой отец...»

Прощай, мой месяц, крёстный мой отец,
Ты покидаешь вновь меня. Быть может,
Разлука – навсегда? Меня тревожит
Не смерть, а ясной юности конец.

Прощай, ноябрь! Биением сердец
Двоих ты подарил мне жизнь. И что же?
Я мало жил, но слишком много прожил.
И заслужил и пропасть, и венец.

28.11.1975

«...И внимая тихому напеву...»

Люде Вайнзоф

...И внимая тихому напеву
В час восхода бледного светила,
Нарекли израильскую деву
Древнерусским именем – Людмила.

Нарекли – и хор благословений
Пели, улыбаясь вновь рождённой...
И склонялись к изголовью тени
Назарянина и Соломона.

А ребёнок спал. И невесомы,
Над его головкой сны витали.
Спал так безмятежно, что из дома
Вдруг ушли все беды и печали.

За окном благоухало лето,
Тёплый дождь на тишину обрушив.
И смеялся первый луч рассвета
На ресницах девочки уснувшей.

Осень 1975

«Коль вернётся – что сказать...»

– Коль вернётся – что сказать
Мне о смерти Вашей?
– Что ждала – да умерла,
Так и не дождавшись.

– Перед ним держать ответ,
Видно, мне придётся.
– Будьте с ним нежны. Ему
Может быть, взгрустнётся.

– Что ответить, коль о Вас
Спросит он печально?
– Ничего. Пусть он возьмёт
Перстень мой венчальный.

– Ну а спросит: почему
Комната пустует?
– Пусть слуга откроет дверь
И свечу задует.

– Что она в последний час, —
Спросит, – говорила?
– Улыбнулась, чтоб не лил
Слёз напрасных милый...

1.12.1975

«За лицемерный смех души печальной...»

*Зеркальный дом для зрячего урода
М. Блох*

За лицемерный смех души печальной,
За предсказания сбывшихся времён
Не в замок Иф – я во дворец хрустальный
Своих стихов навеки заточён.

Здесь бьёт фонтан вина, течёт рекою
Шампанское! Я – раб и господин.
Небрежный жест – и вот передо мною
Курится фимиам, горит камин.

Исполненный добра и благородства,
Иду пустынной анфиладой зал.
Но я – урод. И всё моё уродство
Живёт со мною в тысячах зеркал.

Я бью их днём и ночью, но – напрасно,
И двойники в лицо смеются мне.
Смыкаю веки – облик безобразный
Является ко мне в кошмарном сне.

Бегу – за мной несутся отраженья,
Рыдаю – плачут зеркала, скорбя.
Мне во дворце зеркальном нет спасенья
Не от врага – от самого себя.

О, где найти приют душе печальной?
Что мне все беды будущих времён?
Что замок Иф? Я во дворец зеркальный
Своих стихов навеки заключён.

15–16.12.1975

«Милое Прошлое – время вчерашнее...»

Милое Прошлое – время вчерашнее,
Грустное, светлое – словно закат.
Снов невесомей, видений миражнее,
Час?.. или день?.. или год назад?

Милое Прошлое – время забытое
В воды летейские канувших дней.
Звёзды далёкие, грёзы разбитые,
Ставшие Прошлым жизни моей.

Милое Прошлое – время, что пройдено,
Пурпур заката и неба сирень...
Милое Прошлое! Вечная Родина:
С боем часов умирающий день.

12.01–19.12.1975

«Греховное – в своих железных латах...»

I

Греховное – в своих железных латах,
Великое – в отчаянье святом
Молилось войско рыцарей распятых,
Молилось о победе над врагом.

Под рёв звериный боевого рога,
Свет призывая, проклиная тьму,
Святой отец молитвой славил Бога,
И войско хором вторило ему.

II

«Нет в мире властелина, кроме шаха», —
Так пел мулла, и повторял Восток:
«Нет Бога, кроме грозного Аллаха,
И Магомет – единственный пророк.

Покорность – вот призванье человека,
Одна лишь в мире истина – Коран,
Нет города, священнее, чем Мекка,
Нет правоверных, кроме мусульман».

«Всех непокорных ожидает плаха», —
Так пел мулла, и повторял Восток:
«Нет Бога, кроме грозного Аллаха
И Магомет – единственный пророк».

III

Лютер, святой в камзоле потёртом,
Ясным взором провидевший тьму,
Гневно швырял чернильницу в чёрта,
Ежели тот являлся ему.

Жил, как отшельник, просто и строго,
И заплатил дорогой ценой
Лишь за войну с наместником Бога
И за победу над Сатаной.

IV

Добрый католик, он вечно твердит
Молитвы, их смысла не разумея.
Он верует тихо и тихо блудит,
И ненавидит в душе евреев...

Совесьть его перед Богом чиста,
Ибо в Евангелии говорится
О том, что евреи распяли Христа,
А Магдалина была блудницей.

1975–1976

Новая Весть

Это Новое Слово,
новое Слово слов.
Кровь и Тело Христово —
это мой хлеб и кров.

Это сама природа
в колокол века бьет.
Новое время года —
Времени Новый год.

[1975–1976]

Авторизованный перевод из Метерлинка

Я весь глаза. Не надо истин.
Ты прав, Господь. Из века в век
На белый снег слетают листья,
Летит на пламя белый снег.

Часы всё так же время бьют,
И солнце за окном всё то же.
И дни умершие встают
Вновь предо мной, мой сон тревожа.

Ни тьмы ночей, ни неба сини
В глазах уснувших нет, но там
Есть мука жаждущих в пустыне,
Свет солнца, отданный цветам.

4.01.1976

«Истина немислима без чуда...»

Истина немислима без чуда,
Невозможен Бог без Люцифера,
Невозможен без Христа Иуда,
Если нет сомнений, где же вера?

Роскошь нищетой одной богата,
Остролов бессилен без тупицы,
Месяц невозможен без заката,
А в руках людей без клетки – птица.
Нет веселья без смертельной скуки,
Остановки – без движенья дальше.
Встреча есть предвестие разлуки,
Обещанья – лишь пустые звуки,
И, увы, нет истины без фальши.

26.01.1976

Памяти Гумилёва

I

Забвенья проведя черту,
Чтоб ум смущённый не тревожить,
Вы захотели красоту
Ружейным залпом уничтожить.

Но, возведя на высоту
Ту чернь, которой нет презренной,
Что вы убили? Миф? Мечту?
Но смерти нет для сновидений.

II

О, беспощадная судьба —
Толпа, которой всё едино.
...Как смели вы рукой раба
Касаться тела господина!

О, мертвенная бледность лба!
Рыдайте, музы... Данте... Где-то...
...Как смели вы рукой раба
Убить солдата и поэта?

18.11.1976

Сонеты памяти Че Гевары

Последний рыцарь умер на земле.
Я плачу в полутёмном зале бара.
«Прощайте, commandante Che Guevara» —
Я вижу надпись – кровью на стекле.

Соломинки... Бокалы на столе...
Веселием безумствует гитара...
Я вижу выстрел – отблеском пожара,
И женский смех витает в полумгле.

О, ненависть! Воспрянь в моей груди!
О, разум светлый мой, не уходи,
Останься на одно ещё мгновенье!

Но разум лёгкой тенью прочь летит.
О, дамы, господа, нам нет спасенья:
Последний рыцарь на земле – убит.

* * *

Останься на одно ещё мгновенье,
Побудь со мною, давний мой кумир.
Здесь, глядя на чужой весёлый мир,
Я буду говорить с твоею тенью.

Я жив – а ты оставил этот мир.
Мне сил не суждено найти для мщенья.
Но если на том свете есть прощенье,
Прости меня за это, командир.

Прости неясность слов моих, герой,
Я был бы счастлив умереть с тобой,
Когда бы время нас не разделило.

О, если б ты был жив, а я – убит!
Ответь мне, разум, где его могила?
Но разум лёгкой тенью прочь летит.

* * *

Я вижу выстрел – отблеском пожара.
И кровь из раны – пламенем костра.
И Смерть – Любви жестокая сестра —
Тебе приносит славу, Че Гевара.

Я знаю, что смертельного удара
Боль, словно лезвие ножа, остра.
И смерть в бою – почти всегда быстра,
А Слава – тень непринятого дара.

Но только Че Гевары больше нет.
На Кубе занимается рассвет,
А над Москвой ночная вьюга веет...

И полон бар, и все навеселе,
В моих глазах пожаром кровь алеет,
И женский смех витает в полумгле.

Ноябрь 1976

«И восходило солнце над Москвой...»

И восходило солнце над Москвой,
И август месяц золотом сверкал,
И девушка, рождённая слепой,
В реке, как будто в лучшем из зеркал,

Искала отражение своё
И не могла найти его, пока
Живыми изумруды глаз её
Не отразила зрячая река.

1.12.1976

«Прощайте все, прошу меня забыть...»

Прощайте все, прошу меня забыть,
Вас, нищие, и вас, сыны фортуны,
Вас, викинги, вас, римляне, вас, гунны.
Прощённый всеми – всех хочу простить.

Прощайте все, прошу меня забыть.
Прощай и ты – огонь моей свободы,
Ты, небосвод, и вы, морские воды,
И ты, страна, где суждено мне жить.

Прощайте все, прошу меня забыть.
Прощайте вы, друзья моей неволи,
И вы, красавицы, которых боле,
Чем жизнь свою, сумел я полюбить.

Прощайте все, прошу меня забыть.
Прощай, мой брат, безумный и беспечный,
Прости мне этих слов порядок вечный:
«Прощайте все, прошу меня забыть».

Январь 1977

«Мне твердят, что я сентиментален...»

Мне твердят, что я сентиментален.
Что ж, не отрицаю, господа!
Ваш уютный мир салонов-спален
Мне чужим останется всегда.

С ранних лет мне близок, кто печален.
Вы же, в чьих сердцах лишь холод льда,
Радуйтесь! О, я сентиментален,
И я этим счастлив, господа!

12.01.1977

«Печален путь того, кто позабыт...»

Печален путь того, кто позабыт
Фортуною, кто любит безответно,
В чьем сердце пламень дружбы не горит
И чьи молитвы искренние – тщетны.

Сей жребий – твой, поэт. О нём скорбя,
Восславь его печалью слов свободных.
Страшней всего, мой друг, – забыть себя
В сомнениях и поисках бесплодных.

Март 1977

«Незнакомый светлый лик...»

Марине Тимониной

Незнакомый светлый лик —
Ваш сомнительный двойник:
Выраженье удивленья
Тем, что тесный мир – велик.

Сверху – вниз – сквозь лица – взгляд,
Взгляд-разлука, взгляд-разлад.
Ожиданье обещанья
И неведение преград.

Сопряженье странных слов,
Слов-сомнений, слов-основ,
И – презренье к предсказаниям
И к несбыточности снов.

15.03.1977

«Ночью нежный и нежданный...»

Ночью нежный и нежданный
В наши окна гость стучится.
То – Бессонница. И странный
Облик знаков вереницы
Принимают. И сияньем
Звёздным залиты страницы,
А Бессонница дрожаньем
Слёз нисходит на ресницы.

Март 1977

«Тают звёзды золотые...»

Тают звёзды золотые
В ярком пламени денницы.
Бога милости святыя
Славят радостные птицы.

Тенью розовой трепещут
Облака в лазурной пене,
И огонь восхода блещет
Светом высших откровений.

Март 1977

«Жизнь всегда жива, а Смерть – мертва...»

Жизнь всегда жива, а Смерть – мертва.

Умирают лица, но не Лик.
Vita brevis – лживые слова.
Вечна жизнь, а Смерть – лишь краткий миг.

Умирают души, но не Дух.
Умирает грешник, но не Грех.
Наша жизнь – вращающийся круг,
И его вращенью нет помех.

Умирают боги, но не Бог,
Умирают звёзды, но не Свет.
Есть – томленье суетных дорог,
Есть – порог, а Смерти в мире – нет.

Апрель 1977

Поэт (подражание Бродскому)

Поэт есть тот, у кого крадут,
Над кем извечно заносят кнут,
Распятые – коему нет конца.
Не от тернового ли венца

Раны, поэт, на твоём челе?
Не в галилейской ли ты земле
Девой Пречистою был рождён?
Счастье, поэт, – это только сон...

Впрочем, во сне, наяву, – везде —
Слава Распятого на Кресте,
Роскошь того, кто и нищ и наг, —
Вот твоё счастье, поэт. Итак

(Мы отклонились...), поэт есть тот,
Кто не спрашивает щедрот
Ни у имущих (над чернью!) власть,
Ни у плебеев, готовых пасть

Ниц перед сильным. Готовый сжечь
Мир – лишь бы сбросить оковы с плеч.
Праздная сытость – удел глупцов.
Прочь эту маску, поэт! Лицо

Мага, проникшего в тайны книг,
Даже уродливое, есть – лик.
Облик не важен – важны слова
Вещие. Пусть о тебе молва

Сплетни разносит на злых устах.
Слава, поэт, – это только прах.
Время, поэт, – это только миг
Или же – вечность. Юнец? Старик?

Возраст неважен. Над всеми – Бог.
Жизнь есть сплетенье людских дорог
(О, перекрёстки встреч и разлук!),
Всё мирозданье, поэт, есть круг

Первый. Десятый же круг, поэт, —
Смерть. Но для избранных смерти – нет.

Май 1977

«Бедный раб, доколе нам терпеть?..»

Бедный раб, доколе нам терпеть?
Горек плод бездействия пустого.
Если господин поднимет плеть,
Нам в ответ не вымолвить и слова.

Наши унижения – смешны
И безвестны наши возмущенья.
Бедный раб, страдания страны —
Обвиненье нашему терпенью.

Май 1977

«В небе – ни зги. Ливень. Гроза...»

В небе – ни зги. Ливень. Гроза.
Молнии нить.
Пани Ирен! Ваши глаза
Трудно забыть...

Словно гроза хочет разбить
Линии стен.
Ваши глаза трудно забыть,
Леди Ирен...

Что мне гроза!
Можно ведь спать, уши заткнув.
Как бы прогнать эти глаза...
А то – не усну.

2.06.1977

«Я верю в то, что нет случайных встреч...»

Я верю в то, что нет случайных встреч,
И наша встреча тоже не случайна.
(В случайностях подчас необычайный
Есть смысл). И нас уже не убережь

От дней грядущих. Путь из них любой
Пока для нас пребудет светлой тайной.
О, наша встреча не была случайной,
Мы не могли не встретиться с тобой.

4.06.1977

«Есть ли в сомненьях смысл и какой?..»

Есть ли в сомненьях смысл и какой?
Впрочем, если и есть, то – случайный.
Высшая тайна – в том, что тайны
не существует как таковой.

Из сокровенных ночных глубин
путь к мелководью полудня – пройден.
Поиск ориентиров – бесплоден.
Есть ли смысл в измерениях длин?

Или широт? (долгота есть бред)
Или длиннот – на фальшивой ноте
времени, коего бег – в полёте.
Есть ли смысл в исчисленьях лет?

Или же... или же смысл этой жизни есть —
искоренение осложнений
всех измерений, всех исчислений,
прочих сомнений, которым несть

даже числа? (нет! Число им – тьма)
Ночь. Глубина до донного ила,
вычерпать тьмы океан – по силам
только лишь тем, кто сошёл с ума,

впрочем... впрочем, безумен любой из нас.
Полностью – все и отчасти – каждый.
Шизофрения извечной жажды
смысла – всегда сегодня, сейчас!

Только не завтра (боязнь времён
будущих) – завтрашний день – опасен
страхом! И не во вчера: неясен
наш в нём исход, ибо мост сожжён.

Те же слепые – вожди слепых.
Что потеряли – того не видим.
Время же вечности – *Semper Idem*⁸ —
нами потеряно. Меж иных

наших занятий, бездумных дел
мало ль найдётся, во имя которых
пепел мы превращаем в порошок,

---

⁸ Всегда одно и то же (лат.).

порох – в прах убиенных тел,

ибо...ибо убийствами длится мир.
Ад Алигьери, Босховы черти,
пир Вальсингама в лагере смерти —
перемешались. Зенит и надир

скоро покинут свои места,
дабы не видеть смерти достойных.
Есть ли смысл в бесконечных войнах,
разъединяющих наши уста,

чтобы...чтобы не соединялись – впредь...
и не тянулись друг к другу. Властью
силы мы сами сводим к несчастью
радость, заносим над счастьем плеть.

Смерть? Но что для Любви – умереть?
Снова она возродится из пены.
Всё, кроме страшной пытки измены,
тело Любви способно стерпеть.

Только измена имеет власть
над непокорной Любовью. Вечен
их поединок. Успех обеспечен
только измене. Легко попасть

в сети её. От холодных ран
стрел её – сердцу нет излечения.
Есть ли смысл в любовных мученьях,
если слова о любви – обман?

Если...если нищий равен королю,
если не четыре – дважды два...
Ноль, увы, равняется нулю,
ибо пустота – всегда жива.

Ибо пустота – извечный круг,
замкнутый вращением времён.
Ибо тишиною полон звук,
полон осязаемостью – сон.

Между словом «да» и словом «нет» —
некая незримая черта.
На вопросы Вечности ответ —
цифра ноль – святая простота.

Если шторм опасен кораблю,
если штиль есть гибель для него,

значит, ноль равняется нулю
(равенство всего и ничего).

Сколько же он велик и сколько же мал!
Ноль! Экватор? Твёрдая вода?
Ох, Господь, однако, и задал
нам головоломку, господи!

Не гадайте, ибо не дана
человеку истина сия.
В мире существует лишь одна
формула земного бытия.

Июль-август 1977

«Когда Блок писал „Двенадцать“...»

Когда Блок писал «Двенадцать»,
Он был зол.
Когда Платонов писал «Чевенгур»,
Он был зол.
Когда Борис Пастернак писал
Свой знаменитый роман,
Он опять-таки
Был зол.
Ненависть!
Вот что может создать
Гениальное произведение.
Ибо, как говорит Булгаков,
Мир невозможен без теней.
Но ненависть невозможна
Без любви.
Ненависть должна быть светлой.
Без Иисуса Христа в конце
Поэма «Двенадцать» была бы
Бредом.
Чтобы описание человеческой
Трагедии
Стало гениальным произведением,
Необходим
Белый
Венчик
Из роз.

Август 1977

Кривулин

Виктор Кривулин, мудрец и эстет,
Ищет в религии смысл бытия.
Мёртвый Христос, улыбаясь в ответ,
Шепчет: «Да сбудется воля твоя...»

Виктор Кривулин смыкает глаза...
Знаков и цифр за окном хоровод.
Тройка... семёрка... а вместо туза —
Буквочка «г» – сокращённое «год».

Дьявольской меткой отмечен журнал⁹.
Номер квартиры – могильным крестом.
Некий опальный поэт умирал,
Кажется, тоже в тридцать седьмом.

Виктор Кривулин рыдает навзрыд:
«Боже, помилуй, спаси, помоги!..»
Дьявол круги за окном мастерит,
Первый... девятый... чертит круги.

Виктор Кривулин, опальный поэт,
Ищет в поэзии смысл бытия.
Мёртвый Кузмин, улыбаясь в ответ,
Шепчет: «Да сбудется воля твоя».

Август 1977

---

⁹ Самиздатский журнал «37», который выпускал Виктор Кривулин.

«Дано в привычках нам и ощущениях...»

Дано в привычках нам и ощущениях
Какое-то незримое родство,
Безумное смешенье: волшебство
И будничность обманутого зренья,

И трижды повторённое одно
Свершенья мысли, слова и творенья,
И вечное единство повторенья
В неясных ощущениях нам дано...

1977

«В брошенной деревне...»

В брошенной деревне
На исходе дня
Тихо Время дремлет,
Греясь у огня.

Гостем Дождь заходит
В опустевший дом.
Время о погоде
Говорит с Дождём...

В брошенной деревне,
Ветхой и больной,
Умирает Время
За чужой стеной.

Лишь часы маячат
В тихой темноте.
Дождь и Время плачут
О чужой беде...

Ноябрь 1977

«Над домом поэта всегда – догорающий свет...»

Над домом поэта всегда – догорающий свет.
Над словом поэта всегда – ощущение тайны.
Налево – знамения света и слов не случайны.
Направо – ни дома, ни тайны давно уже нет.

Над телом поэта всегда – современников суд.
Над тенью поэта всегда – пересуды потомков.
Налево – одно из имён назовут вам негромко;
Направо же – в списки десятки других занесут.

Над жизнью поэта всегда – ожиданье конца.
Над смертью поэта всегда – дуновение славы.
Налево – признание, портреты, венки...
А направо —
Презренье невежды и недоуменье слепца.

Ноябрь 1977

«Воображенье – суетный удел...»

Воображенье – суетный удел
Поэта, музыканта и бродяги.
Мы все тоскуем по плащу и шпаге,
Нам кажется, что все мы – не у дел.

Воображенье – время, годы, дни...
Участники печальной пантомимы,
Мы ищем то, что невообразимо...
О, Господи, спаси и сохрани!

«Две стрелы...»

Две стрелы.
Движение по кругу.
Маятник почти что невесом.
Месяц май.
Двенадцать.
Ближе к югу
Солнце.
Люди, вспомнив о своём
счастье,
поднимаются с постели,
одеваются,
куда-нибудь
тихо направляются
без цели.
Две стрелы
указывают
путь.

«Век мой! Я ли жил...»

Век мой! Я ли жил
под синим солнцем Крыма,
взглядом останавливая
облака?
Жизнь моя ни с чем
не была сравнима,
как изгиб реки,
жизнь была легка.

Лёгкою рукой
с камешками моря
капельки дождя я
собирал в горсти.
Руки целовал
смуглолицей Флоре,
при дворе дриад
будучи в чести.

Велика ли честь?
С черноморской влагой
в чаше дня смешав
чистое вино,
медлил я прочесть
книгу Карадага,
видя в глубине
золотое дно.

Золотой мой век
не имел начала,
он не знал границ,
но имел конец.
Перейдя мостки
древнего причала,
минул я твоё
устье, Ингулец.

Пантикапей! Здесь
сны мои ютились,
в письменах твоих
на листах дерев.
Велика ли честь —
явь? — когда нам снились
золотых веков
строчки — нараспев.

Где ты, певчих снов
длительная глосса?
Что осталось нам?
Лишь сердце союз.
Подмосковный лес.
Память. Знак вопроса.
Знак молчанья. Речь
полусонных муз.

Музыка! С тобой
свита Аполлона!
Сны молчат. Но ты
до сих пор живёшь
в нас. И ныне мы,
как во время оно,
истиной твоей
проверяем ложь.

В водах древних рек
время быстротечно,
вечен лишь один
Бог. Но если так,
золотой наш век
вечен, ибо вечны
музыка,
стихи,
Солнце,
Карадаг.

«Читать стихи Марины и совсем...»

Читать стихи Марины и совсем
Не думать о постывших наважденьях,
Жестокости, о суетных движеньях
Земных или же Солнечных систем.

Кому-то снится сон
О вечности времён;
Кому-то виден свет
Звезды, которой – нет;
Кому-то слышен зов
Литых колоколов,
А мне ни звёзд, ни снов не знать —
Твои стихи читать.

На очертаньях птиц уснувший взор
Остановить, полёта ожидая.
В полотна Доменико Гирландайо
Входить – как во дворец или в собор.

Кому-то падать ниц
Пред сонмом светлых лиц.
Кому-то – мерить бег
Быстротекущих рек.
Кому-то строить дом
На острове пустом,
А мне – в твоих полотнах жить,
Тебя благодарить.

Искать в картинах или же в словах,
В реальном мире действий несомненных
Тебя. Быть отражением Елены
Прекрасной в неотступных зеркалах.

Кому-то снится свет
Быстротекущих лет,
Кому-то строить мост
Над сонмом светлых звёзд,
Кому-то слышен зов
Пустынных островов,
А мне – твои лишь руки греть,
С тобою – умереть.

Декабрь 1977

Соло

Я запомнил, как кровь
Наполняла ладонь —
Это красный огонь,
Это красный огонь.

Я не помню, зачем,
Я не помню, когда
Я ушёл от тебя,
Я ушёл навсегда.

Я запомнил, что ночь
Была слишком темна,
Ночь кошмарного сна,
Ночь кровавого сна.

Я не помню ни звёзд
В небесах, ни луны,
Только свет тишины,
Только страх тишины.

Я запомнил в крови
Утопавший восход,
Это страшный исход,
Это смертный исход.

Мой конец будет прост,
Ведь от ног моих мост
Перекинут до звёзд,
А потом – на погост.

«Сотрите с лиц следы тупого грима...»

Я рос тебе чужим, отверженный народ...
Надсон

Сотрите с лиц следы тупого грима.
Пусть вам сердца изранят стрелы слов!
Отверженный народ, людьми гонимый,
Я бросил вызов тьме твоих врагов.

С огромным, но облитым кровью сердцем,
Расстрелянный, сожжённый, но живой,
Святой народ, в чьей памяти Освенцим
И Бабий Яр – кровавой пленой.

«О тех, кто верует в Христа...»

О тех, кто верует в Христа
И поклоняется Иуде,
О тех, чья совесть нечиста,
Чьи речи – россыпь словоблудий,
Кто в меру хвалит и клянёт
В других безверие и веру,
Кто в меру жрёт и в меру лжёт
И распинает – тоже в меру,

О тех, кто верует, что Бог
Простит любые прегрешенья,
Для коих трусость – не порок,
Но грех – малейшее сомненье,
Чьи речи – мёдом на устах,
Поющих Господу Осанну,
Сжигавших с Библией в руках
В огне костра святую Жанну,

О тех, кто лгал и кто молчал,
Но Божьему молился Сыну,
О тех, кто молча предавал
И Мандельштама, и Марину,
И кто, читая их теперь,
Помянет Господа при этом,
О них, в свой дом открывших дверь
Ещё не преданным поэтам,

Молись о них, святой отец,
Проси прощения – Иуде,
Предавших Господа конец
Страшней иных греховных судеб.
Молись о них, святой монах,
Погрызших в лести и во блуде,
Пусть их простят на небесах,
Прощенья на земле – не будет.

«В полночь над Сеной пляшут тени...»

В полночь над Сеной пляшут тени...
Время по-прежнему идёт...
Сена по-прежнему течёт,
Но жизнь Парижу не вернёт
Былое время...

Где ты теперь, Париж, стоявший
На одиноком островке?
Город, рождённый на реке,
Но не потопленный никем
И бед не знавший...

Где ты теперь, Париж Сорбонны,
Еретиков и сорванцов,
Прямо святым отцам в лицо
Бросавших крепкое словцо
Франсуа Вийона...

Где ты, Париж средневековый,
Город соборов и мостов,
Узеньких улиц и дворов,
Давно разрушенных домов,
Париж лиловый...

«Память, упавшая в Лету, не надо забвенья...»

Л.Б.

Память, упавшая в Лету, не надо забвенья.
Вечность не помнит о веке и месяц о дне.
Бабочки Времени машут крылами в огне.
Дни предаются бесплотному самосожженью.

Ночь наступает – и мир умирает во сне.
Время, как бабочка, ждёт своего пробужденья.
Память, упавшая в Лету, покойся на дне.
Я закрываю глаза перед собственной тенью.

23.09.1978

Жемчужина

Мне скучно с вами, женщины земли,
Вам нет числа, ракушки без жемчужин,
Но ваш постылый панцирь мне не нужен,
А жемчуг сохранить вы не смогли.

Жар-птицею горит в слепом огне
Ваш хворост эротических истерик.
Ракушки море выбросит на берег,
Жемчужины останутся на дне.

Мне скучно с вами, юноши земли.
Любой из нас безумием недужен.
Скажите мне, искатели жемчужин,
Ценою жизни что вы обрели?

За женской тенью Данте сходит в ад,
За ней же поднимается на небо.
Отказываясь от воды и хлеба,
Мы веруем в дурацкий маскарад.

Недолог век. Считаете ли дни,
Вы, неженки, тепличные растенья,
Для коих жизнь – желанье наслажденья,
А смерть – предлог для праздной болтовни?

Мне скучно с вами, люди. Вечен свет.
Волненья тела можно успокоить.
Но скольких же страданий будет стоить
Жемчужина, которой в мире нет!

8.11.1978

Подражание М.Ц.

*Никаких земель
Не открыть – вдвоем*

Марина Цветаева

Одинок не тот
Кто всегда – один
Не один ли черт —
Раб иль господин

Что – свистящий кнут?
Что – согбенность спин?
Господи, Твой суд
Господи, Твой Сын.

Есть иной отсчет
(Что там – бег минут?)
Время вечно лжет
Если люди лгут.

Есть отсчет чужбин
И неверных вех
Твой, Антихрист, spleen
Твой, Антихрист, смех.

«Есть в этом мире обители чистой святой тишины...»

Есть в этом мире обители чистой святой тишины
Дева Мария живет в Ченстохове на Ясной горе
Сколько б ни жили мы, видим мы вечные сны
Вечные сны о высокой нездешней стране

Там, за окладом из золота вечный сияет рассвет
Свет возникает из Слова, и лик возникает из слез
Сколько б ни жили мы – сумрак бессмысленных лет
Тает на Пасху, когда воскресает Христос

Лето уходит, и зимнее время звенит в серебре...

«Я с Вечностью на ты. Но не запанибрата...»

Я с Вечностью на ты. Но не запанибрата,
А просто потому, что мы давно друзья.
Она стучится в дверь. – Скажи, к тебе нельзя?
– Пожалуйста, входи. Вина нет – вот досада...

И летний вечер тих – и тих наш разговор
О том, что «никогда», о том, что «будет время».
В её живых глазах – вопрос или укор?
– С кем празднуешь? – Один. С кем молишься? – Со всеми.

«Я заключил себя в бумажный храм...»

Я заключил себя в бумажный храм
Поэзии негладанных поверий.
Колонны стен – и ни единой двери,
И окон нет, и доступа врагам.

А, впрочем, может быть, наоборот,
Неведомо врагам, что здесь – твердыня,
И мне грозит забвением отныне
Готовый рухнуть неприступный свод.

«Слышу весть о Солнце! Мне ли...»

Слышу весть о Солнце! Мне ли
Не воспеть восход светила.
В оно время Руставели
Славил имя Автандила.
Зависти своей не скрою;
Мне с Великим не сравниться.
Я, певец, перед тобою —
Лишь пылинка на странице,
Но, однако, дерзновенный
Прославляю то же имя.
Как словами мне земными
Петь о радости священной?
Петь о витязя отваге
И красе его невесты?
Как построить из бумаги
Храм Венеры или Весты?
Не тебя ли наградила
Жизнь, сестра моя, сегодня?
Кто прекрасней Автандила,
Кто смелей и благородней?
Если день сегодня минет —
Пусть останется – стихами.
Будьте счастливы отныне,
Ибо весть о Солнце – с вами.

«Сначала клетку нарисуйте...»

Сначала клетку нарисуйте
С открытой дверцей,
А затем
Прекрасное, простое что-нибудь
Для птицы
И поместите вашу клетку
В сад иль в рощу – всё равно,
А сами спрячьтесь
За деревом. Отныне
Одно лишь вам: безмолвно ждать
Осталось.
Бывает – птица сразу прилетит,
Однако,
Быть может, много лет вам ждать
Придётся, пока она явиться соизволит,
Но только не отчаивайтесь.
Значит, терпения
Набраться вам придётся,
Ведь время ожидания не влияет
На то, живым ли будет полотно.
Когда же прилетит она
Однажды
(коль прилетит вообще),
То снова ждите. Ждите,
Пока она войдёт в свой дом
Из прутьев.
Здесь тихо дверцу вы должны
Закрывать,
А дальше – нарисуйте
Шелест ветра и ветвь
Прекраснейшего из деревьев,
И также пыль лучей,
Пыль света Солнца,
И шум листвы, и голоса зверей,
И снова ждите.
Вскоре ваша птица
Должна запеть. Итак,
Услышав пенье, должны вы знать,
Что это – знак удачи,
Удачи полотна. Ну а молчанье,
Наоборот, есть неудачи признак.
Но если ваша пленница
Запела, то это означает,
Что вы вправе
Поставить на портрете ваше имя.

Тогда должны у ней перо
Вы незаметно вырвать
И имя ваше
В полотно вписать.

«Вначале было Слово. Слово Бог...»

Вначале было Слово. Слово Бог —¹⁰
Начало Слова. Альфа и омега —
Конец начала. Семидневный срок
Был дан из бездны созданному его.

И в понедельник бездна стала дном,
Соединившим воды и пустыни.
Во вторник мы решили строить дом
На золотом песке и чёрной глине.

В четверг был дом построен из среды,
А в пятницу на землю пали звёзды,
Сожгли наш дом и замели следы.
Мы ждали смерти – было слишком поздно.

В субботу ждали Страшного Суда,
Надеялись, что, смерти незаметней,
Падёт на нас последняя звезда
Благословить нас горечью последней.

Мы ждали, что придет благодать
И снимет с нас печати всех заклятий.
Прошло шесть дней – и мы устали ждать
Седьмого дня Господней благодати.

---

¹⁰ Стихотворение в переработанном виде вошло в книгу «Празднество нищих»

«Мир возвращается утром в покинутый дом...»

Мир возвращается утром в покинутый дом,
Солнечный свет из окна переходит на стены,
Ветер уносит из комнаты тени измены
И ожидает хозяина в доме пустом.

Хмурый хозяин, проведенный бессонную ночь
На площадях и проспектах холодной столицы,
Молча проходит по скверу, листая страницы
Памяти и изгоняя видения прочь.

Только вернувшись, он в смутном бреду полусна
Слышит, как ветер играет на солнечной скрипке.
Губы его замирают в спокойной улыбке.
Мир возвратился – и значит, вернётся весна.

16.01.1979

«Здравствуй, чистая Россия...»

Здравствуй, чистая Россия,
Край, где все равны.
Где мундиры голубые
Власти лишены,

Где на вечной тройке Время
Двигается вперёд,
Где законы строги с теми,
Кто пешком идёт.

Здравствуй, край – спаситель мира,
Радостный Эдем,
Где не умолкает лира
Тех, кто глух и нем.

Здравствуй, мачеха-отчизна
Множества племён,
Неизбежный, ненавистный
Новый Вавилон.

18.01.1979

Спичка

Я спичкой, как смычком,
Касаюсь коробка,
И вспыхивает мир
Любовью к красоте.

Огонь равняет век
Смычка и мотылька,
Но музыка ещё
Мерцает в темноте.

Сигарета

Огня без дыма нет,
Как дыма без огня,
И пламенный аккорд
Так тает, словно дым.

Он вьётся надо мной,
И он – внутри меня.
Что делать мне, Господь,
С безумием моим?

Пепельница

Пепельница, бедный мой, заплёванный мой друг,
Не покинь меня, странное создание.
Наш с тобой удел – словно подаянье,
Пепел принимать из знакомых рук.

Как твоя доверчиво протянута ладонь.
Не покинь меня, добрая подруга.
Нам не излечить тяжкого недуга
Чёрной благодарности за святой огонь.

Вечно пепел наших душ и наших дел храня,
Как ты терпишь боль – и хранишь молчанье.
Не покинь меня, хрупкое создание,
Молчаливый друг, не суди меня.

1.02.1979

«Город, давно изнемогший от выпренных слов...»

Город, давно изнемогший от выпренных слов,
Недостижимый и скорбный полуночный город,
Ты полагаешь основой прочих основ
Камень, который слепыми руками расколот.

Ты, словно звёздам, часам начинаешь отсчёт
Против вращения железной стрелы циферблата.
Город, источник забвения вечно течёт,
И к твоим бредням вчерашним не будет возврата.

Город, не верь сновиденьям мостов и камней,
Вечность рассудит все наши ночные раздоры.
Ночь угасает – и над колыбелью твоей
Солнце тебе возвращает бессмертие, город.

Март 1979

Благословение

Моих друзей случайные слова
Напоминают мне о чувстве долга
Перед воображением. Недолго
Идти до Рубикона, – и едва
Лишь перейдя, сжигаю все мосты,
Ведущие от берега поэмы
Назад, а также белые листы
Бумаги, все галеры и триремы,
Сонанты, силлогизмы и морфемы,
И те сосуды, что всегда пусты.

Осуществить задумав сей поход,
И избираю тактикой – движенье.
Победа или даже поражение —
Лишь средства продвижения (вперёд
Или назад – неважно, ибо цель
Любого шага – только бесконечность),
Как говорит сеньор Джауфре Рюдель,
Любовь издалека и бессердечность
Суть – разные понятия: только вечность
Равняет летний ливень и метель.

Поэмой называю я родство
Меж тем, что было прежде, есть и будет,
И пусть меня ревнитель Формы судит
За то, что изменил я естество
Классической поэмы. Только мне
Не разделить на части сочетанья.
И музыка, горящая в огне,
И гордость, что живёт на подаянье,
Неразделимы. Лишь одно молчанье
Их разделить сумело бы вполне.

Но Время нас не ждёт – и говорить
Приходится, пожалуй, поневоле.
Грамматика Времени, увы, не боле
Чем правило: её легко забыть,
Но нелегко постичь. Из века в век
События и даты жизни – тленны,
Меняются созвездья, русла рек,
Но правила всё так же неизменны.
Узнать разгадку? Будь благословенна
Твоя попытка, смертный человек.

Прошу благословения у вас,

Оракулы, провидцы, звездочёты,
Пророки Воскресенья и Субботы,
Я верил вам всегда – и вот сейчас
Вы будете со мною в той стране,
Где разве только вымысле реален,
На празднестве, в огне и на войне,
Где дух ваш будет весел и печален,
В стране, где лёд блестит среди проталин
И тень Зимы ответствует Весне.

О, времена вращения Земли,
У вас теперь прошу благословенья,
Благословите дерзкое стремленье
Вернуть те дни, что некогда ушли,
Остановить Сегодня силой слов
И предсказать по знакам Зодиака
Грядущее (от равенства Весов
До знака Скорпиона вплоть). Однако
Поэма ждёт. Так некогда Итака
Ждала царя – и он услышал зов.

Итак, я отдаю на строгий суд
Читателя поэму без сюжета,
Поэму, где ни одного предмета
Не назову, где лишь одни приметы
Времён их поимённо назовут.
Отныне вспять минуты потекут,
Жизнь явится в зеркальной оболочке
Перед тобой, читатель. Только Лета
Нам сохраняет память. Только строчки
Стихов насущный хлеб в себе несут.

Декабрь 1978 – октябрь 1979

«Надежда на античность умерла...»

Надежда на античность умерла
На переломе тёмного столетья,
И мнится нам расставленною сетью
Грядущее. О смерти нам рекла

Кассандра. Но грядущий век манит
Иной надеждой – верой в Возрожденье,
И вновь невняты нам предупрежденья
Немногих, кто о смерти говорит.

2.12.1979

Tertium non datur¹¹

Я – Локи, вездесущая молва,
Я – Гелиос, всевидящий цветок,
Языческий неприрученный бог.
А вы – всего лишь мёртвая трава.

Я – тот, кто объявил земле войну,
Я вызывал сожженья без числа,
Языческий союз добра и зла.
А вы – всего лишь пепел на ветру.

Я дал вам выбор: Солнце или мгла,
Я дал вам выбор: сгнить или сгореть,
Я дал бессмертным – счастье умереть.
А вы – всего лишь бранные тела.

16.12.1979

---

¹¹ Третьего не дано (лат.).

«Пока не стало пылью звездных тел...»

Пока не стало пылью звездных тел
То, что моей душой звалось когда-то,
Люби меня, пока я не успел
Уйти туда, откуда нет возврата.

Пока еще живет вечерний свет
И нас не развела судьба ночная,
Люби меня, пока на свете нет
Верней слуги у Королевы Мая.

Запомни, от единственной весны
Недалеко до осени последней...

«Братья, над нами чужой небосвод...»

Братья, над нами чужой небосвод
И недоступные облака.
Может быть, здесь свой исток берёт
Царства теней река.
Братья, река забвенья несёт
Нынешний день и ушедший год
В будущие века.

Братья, под нами чужая земля,
Ветром и волками стёртый след.
Распре нищего и короля
Места в изгнание нет.
Братья, не нам горевать, доля
Реки, дороги, леса, поля —
Родины больше нет.

Братья, за нами чужая молва
И неотступный следует страх.
Скоро с дерев упадёт листва
И обратится в прах.
Братья, не нами ли смерть жива.
Дрогнет Танат, услышав слова
Радости на устах.

2.01.1980

«Услышь меня, пойми меня, пойми...»

Услышь меня, пойми меня, пойми,
Войди со мною в тот незримый храм...
Мы были в Древней Греции детьми
И сказочным молились божествам.
И Афродита нам венки плела,
И Громовержец с нами говорил
На том, подобном клёкоту орла
Бессмертном языке небесных сил...

«Вновь и вновь было утро – и воздух дрожал...»

Вновь и вновь было утро – и воздух дрожал
От предчувствия снов и свободы.
Луч, как шустрая мышь, между штор пробежал
И сорвался со стенки комода.

Вновь и вновь было утро – и книг корешки
Западали, как в старом рояле,
Но на клавишах этих бессмертье души
Я теперь разыграю едва ли.

«Смерть не лукавый приторный обман...»

Смерть не лукавый приторный обман,
Не чёрный пёс, хромой и косоглазый.
Смерть не скелет, не бред чумной заразы,
Не призрак, что безумьем обуян.

Смерть не тюрьма, не каменные стены,
Смерть не припадок в брызгах белой пены,
Не кладбище, не траурный гранит.

Смерть – церковь с золотыми куполами,
Смерть – это Рай с блаженными садами,
Смерть – это мир, в котором Бог убит.

«Никто не знал, когда настанет полдень...»

Никто не знал, когда настанет полдень
И наконец придёт конец войне.
Никто не слушал сводки о погоде,
И каждый жил, как будто в полусне.

Был холод. На дорожных поворотах —
Сугробы. Тьма в колодезных дворах.
Был страх. И смерть. Но город полумёртвых
Ждал полдня – и бежали смерть и страх.

«На каждом окне – крест...»

На каждом окне – крест,
Чтоб ночью не жгли свет
В больницах, где нет мест,
В колодцах, где вод нет.

Но всё же горит месть
В сердцах. Пока жив век —
Нет хлеба? – но снег есть,
И мы будем есть снег.

И мы будем жить так,
Как будто врага нет,
Пока не умрёт мрак,
Пока не придёт свет.

«Вот дом, который построил Катулл...»

Вот дом, который построил Катулл,
чтоб оградить себя
и Лесбию. Вот стул.
Вот стол – и за столом – семья.

К чему смотреть на сучок в глазу,
если бревно – в стене.
Брёвна – в стене, и вода – в тазу,
то есть вода – в вине.

Что до вина, то зачем же пить
горечи полный плод.
Лучше приправить и подсластить
или наоборот
разбавить
и без конца толочь и мутить
в амфоре бездну вод.

Впрочем, вино, как всегда, ни при чём.
Речь не о нём. Вот стул.
(Начнём сначала). Вот стол. Вот дом,
который построил Катулл,

Чтоб оградить от случайных встреч
музу и чтобы впредь
было сподручнее встать и лечь
и спокойней сидеть,

Чтобы спокойней любить, и тем
более за стеной
каменной.
Крыша над домом надёжней, чем
небо над головой.

«То пламя, что, подобно мотыльку...»

То пламя, что, подобно мотыльку,
К гибели бессмысленно стремится,
В моей груди нежданно загорится,
Когда я горизонт пересеку.

То пламя, чьим живительным теплом
Под знаком Льва земное лето длится,
В моей любви свободой возродится,
Когда я стану пленным мотыльком.

«Скажи мне, Солнце, где тебя искать?..»

*Скажите, где, в какой стране
Прекрасная римлянка Флора?*

Ф. Вийон в переводе Н. Гумилёва

Скажи мне, Солнце, где тебя искать?
Мне говорят: Восток – страна восхода,
А Запада печальная свобода
Должна закатной кровью истекать.

Восток неблизок, что здесь толковать.
А Севером владеет непогода.
Но, может быть, на Юге небосвода
Ты скрылось, Солнце, чтобы согреть

Благословенный край своим теплом?
Но без тебя на Севере пустом
Настала осень в середине лета.

И кто мне скажет, где искать твой след?
Под Солнцем Ариадны больше нет.
И нет любви без солнечного света.

19.06.1980

«Песочные часы...»

Песочные часы
отсчитывают время
моей любви и
жизни.
Впрочем, всё равно
любовь и жизнь отныне
суть одно.
Как есть одно сопряжение
слов в поэме.
В поэме той, где нет
склоненья слов.
Где стоя непреклонным
строгим рядом
слова сопряжены
единым ладом
моей любви – последним из ладов.
Глаголы же любви сопряжены
всегда с одним
Евангелием Бога.
И счёт песчинкам заведён
так строго
всегда один – для мужа и жены.
И даже дерзкий
совершив побег
для слов любви пребудем мы
со всеми,
кому ещё отмеривают время
песочные часы
из века в век.

15.09.1980 Таллинн

«И это грустное вино...»

И это грустное вино,
И чистая тетрадь,
И книги, коих всё равно
Мне не перелистать.

И это тихое окно,
И добрая луна,
И фавны, коим не дано
Полуденного сна.

И это место, где темно,
И где равны вполне
И те, кто жив, и кто давно
Забылся в дивном сне.

16.12.1980

«Джауфре Рюдель, любить издалека...»

Джауфре Рюдель, любить издалека
Не значит ли – искать неудержимо
Не свет огня, но лёгкий призрак дыма,
Познав печаль, что словно дым легка.

Сжимает неподвижная рука
Тяжёлый меч – и цель недостижима,
И все дороги – лишь преддверья Рима,
И безнадежность так любви близка.

Джауфре Рюдель, страна любви – весна,
И несть числа в стране весны канцонам,
И письмам влюблённым несть числа,

И призрак дыма – дальняя страна
Близка – она за тем соседним склоном,
Где безнадежность розой расцвела.

Джауфре Рюдель, любить издалека,
Не думая о сопряженьях тела,
Лишь руки сновидения несмело
Целуя – эта мука так легка.

«Помянем время без часов...»

Помянем время без часов,
Свечу без света, свет без тьмы,
А также лето без зимы
И снег без белизны,
Слова без речи, речь без слов,
Дым без огня, огонь без дров,
Цвета помянем без цветов
И мужа без жены.

Помянем розы без шипов,
Шипы без роз, без дёгтя мёд,
Без мёда месяц, брод без вод
И вина без вины.
Помянем Бога без богов,
Помянем друга без врагов,
А дурака – без дураков
И мужа – без жены.

«Не печалься, если я молчу...»

Не печалься, если я молчу:
Нежность не находит громких слов.
Вряд ли нужен лунному лучу
Яркий свет неоновых цветов.

Вряд ли нужен солнечной весне,
Серый праздник снежной суеты
И сердечной тайны тишине —
Болтовня сердечной пустоты.

Что сказать тебе? Поверь мне: жизнь
Нам подарит счастье долгих дней.
Не печалься, лучше улыбнись
Молчаливой нежности моей.

Пусть ненастных зимних дней не счесть,
Пусть Фортуна слову неверна,
Ты смеёшься – значит в мире есть
Счастье – и балтийская весна.

Люди и тени

*Люди и тени стоят у входа
В зоологический сад планет*

Н. Гумилёв

Тем временем, когда никто не ждёт,
И в месте том, где некого искать,
Волненье крови исподволь влечёт
К тебе, крылатой речи благодать.

Где вечер века в городской пыли,
Где небо задыхается в дыму
Отравленном, вращение Земли
Всё медленней – письмо летит во тьму.

И входим мы в страну живых теней,
Тоскуя о безвременье слепом,
Но горькое прозренье тем больней,
Чем дольше мы в неведение живём.

Тем временем, туда, где всё темно,
Письмом летит крылатой речи свет.
Мы – люди или тени? Всё равно —
Одним волнением – кровь жестоких лет.

И забывает день о бывшем и небывшем,
И вырваны сердца зазубренной иглой,
Но вечный блюз луны над городом притихшим
Волнением спящих душ восходит над землёй.

Живущий, в тёмный час в пустом ночном просторе
Взгляни – твой сон хранит слепая боль моя:
Театр абсурда звёзд над неумолчным морем
И музыка луны над пеной бытия.

Солнечные Часы

На песчаный берег падает
Тень от золотой стрелы.
Солнце, божество крылатое
Изгоняет змея мглы.

Снова, словно сновидение,
Словно музыка без слов,
Начинается весеннее
Время Солнечных Часов.

Начинается весеннее
Время Солнечных Часов.

Волей вечного вращения
Ветер возвращает птиц.
В небе слышно шелестение
Бело-голубых страниц.

Слышно ангельское пение
Над волненьем парусов,
В небесах плывёт весеннее
Время Солнечных Часов.

В небесах плывёт весеннее
Время Солнечных Часов.

Будет время – вновь возвысится
Над землёй слепая мгла.
Говорят, что осень близится
И зима не умерла.

Но над старостью осеннею
И над смертью зимних снов
Есть святое Воскресение —
Время Солнечных Часов.

Есть святое Воскресение —
Время Солнечных Часов.

И над миром быстротечности,
Миром скорби и золы
Всё бежит по кругу Вечности
Тень от золотой стрелы.

Волей вечного движения

Под созвездьем Близнецов
Летним днём цветёт весеннее
Время Солнечных Часов.

Летним днём цветёт весеннее
Время Солнечных Часов.

[1981?]

«Ночь поглощает сегодняшний пепел...»

Ночь поглощает сегодняшний пепел,
Время асфальтом ложится у ног,
Прах нашей юности в каменном склепе,
В каменном склепе – храни его Бог.

Долго мы строили наш реликварий,
Церковь над нами по небу плыла,
Травы и ветви исчезли в пожаре,
Юность сгореть до конца не смогла.

Дряхлый колодец готов развалиться
На перекрёстке пустынных дорог,
Прах нашей юности в мутной водице,
В мутной водице – храни его Бог.

Верность прощала и ревность слепила,
Нежность венки золотые плела,
Всё преходящее нам изменило,
Юность измены не перенесла.

Дряхлая тога ложится на плечи,
Вот он – пророчеством названный срок.
Прах нашей юности в церкви Предтечи,
В церкви Предтечи – храни его Бог.

5.06.1981

«Поль Клодель в погоне...»

Поль Клодель в погоне
За бабочкой изумрудной
Прихотью безрассудной
Он начинает день
Над ним облака из мёда
И ангелы в детских платьях
О высоких понятиях
Беседуют поутру
А на земле под Солнцем
Ликут цветы и травы
Для вящей Господней славы
В низине цветёт сирень
И Поль Клодель улетает
Оставив свой дом унылый
За бабочкой легкокрылой
Танцующей на ветру.

8.06.1981

«Под солнцем, убивающим цикад...»

Под солнцем, убивающим цикад,
Под парусами облачной державы
Сплетаешь ты венок посмертной славы,
И над тобою ангелы парят.

Ты умирала сотни лет назад,
Звала отрадой горький вкус отравы,
Деревья над тобой склоняли главы,
Ты их листву листала наугад.

Но всё должно пройти. Бог весть куда
Течёт Сантаны¹² мутная вода.
Ты умерла – умершим нет возврата.

Что нам осталось? Лодка и весло,
Да омут, где живут добро и зло,
Где жили, может быть, и мы когда-то.

5–6.07.1981

---

¹² Намек на картину Н. К. Рериха «Река в Гималаях. Сантана».

«Мой мир похож на пустой дом...»

Мой мир похож на пустой дом,
Не то он брошен людьми, не то
Он просто скоро пойдет на слом,
И в нем не живет никто.

Мой дом похож на звезду. Он
Сверкает ночью и спит днем,
Не то он видит дурной сон,
Не то он шутит с огнем.

Мой сон похож на огонь. Нет
У сновидений грехов любви.
Горит мой дом – и его свет
Смежает веки твои.

А утром колоколов звон,
И скажут мне: «Что с тобой, друг?»
И я отвечу: «Пустой звук.
Я видел радостный сон».

20.08.1981

«У музыки свои законы...»

У музыки свои законы.
Они, быть может, не верны,
Но только лиственные кроны
Деревьев жить осуждены
Под их эгидой – ибо света
И дерева не лишены.
У музыки свои приметы,
Хотя они и не верны.

20.08.1981

«Я слишком часто видел сны...»

Я слишком часто видел сны
И слишком редко верил звёздам
Я слишком долго ждал весны
Весной наш мир устроен просто

Весной наш мир устроен так:
Здесь – свет без тьмы, там тьма без света
Здесь – лютый друг, там верный враг
Вчера – зима, а завтра – лето

А летом мир ещё ясней,
Ещё безоблачней и проще
И утро ночи мудреней
И нечего искать на ощупь

Но вот и осень настаёт
Дожди смывают все границы
Листва пускается в полёт,
Из сердца улетают птицы

И следом падает зима
На голову неожиданным снегом
И с белизною снега тьма
Холодным делится ночлегом

И жизнь уже не приручить
Последней новостью известий
И в небесах не различить
Ни сновидений, ни созвездий.

6–8.09.1981

«Крест и костёр. Последний привал...»

Крест и костёр. Последний привал
Последний свидетель: Бог.
Кто-то вырубил чёрный овал
На скале у скрещенья дорог.

Усталый ветер в высокой траве
Ищет источник воды
Над древней сосной качаются две
Путеводные звезды.

Когда мы дойдём до кургана, друг,
Ночь будет ещё темней.
Костёр погас. Кто-то выложил круг
В темноте – из белых камней.

24.09.1981

«О, эти бронзовые цепи...»

О, эти бронзовые цепи —
клеймо афинских мудрецов!
Мы с вёслами навеки скрепим
запястья быстрые гребцов.

Сарматам, скифам, амазонкам
оставим от своих щедрот.
А о судьбе гребцов потомкам
расскажет старец Геродот.

5–6.10.1981

«Это памятный день...»

Это памятный день —
нет ни солнца ни слёз.
Это только свирель —
это ветер и воск.

Это сон о земле
в тайниках тишины
на холодном огне
неизбытой зимы.

Под январским снежком
постаревшая медь
даже под наждаком
продолжает тускнеть.

Сводят счёты свои
деревя и мосты.
Это время любви
переходит на ты

С теми, кто ещё жив,
если только они
неспособны ко лжи
в эти чистые дни.

5–6.10.1981

«Вечность-горбунья, беден твой дом...»

Вечность-горбунья, беден твой дом,
Дом без ни одного окна.
Нет ни кола, ни двора. На пустом
Месте хозяйка всегда одна.

В гости пришедших к тебе тайком
Ты запираешь в темный чулан.
Вечно содержатся под замком
Те, кто был зван и кто не был зван.

Звездный нимб над тусклым лицом.
Праздник кончен. Напрасно ты ждешь,
Вечность-горбунья, даже скупцом
Названа ты по имени: ложь.

9.10.1981

«Таков мой город. Сотни городов...»

Таков мой город. Сотни городов
Соединились в нём одним дыханьем,
И все они своим существованьем
Обязаны тому, что нет следов
Истории, смещений, стилей, рас.
Здесь всё – едино: языки и стили
Смешались так, что жители забыли,
Где «да», где «нет», где профиль, где анфас.
Однако ночью (вот уж третий час!)
Все жители спокойно спят. Тем паче
Все жительницы. Не смыкаю глаз
Лишь я – иду куда-то наудачу,
Бог весть куда. В пустыне из камней
Всё тихо. Нет прохожих. Лишь витрины
Сияют. Неподвижен хор теней
На мостовой. На стройке – горы глины
И щебня. Вот и площадь. Словно снег,
Недолговечна белизна строений.
Вот площадь и – не может быть сомнений —
На белом фоне зданий – человек.

...

И что вам осталось? Лёгкий озноб...
И зеркало вновь разбито,
Но вот отраженье: огненный столп,
Река и куски гранита

...

Река. Гранит расколот на куски,
И месяц, улыбающийся криво,
Дробится и плывёт неторопливо
Вдоль смутного течения реки.

Цветы роняют в воду лепестки.
По воле ветра волны еле живы,
Но здания черны и молчаливы,
И звёзды бесконечно высоки.

Река. Молчанье. Свет. Провал во тьму.
У набережной возвела тюрьму
Металлолома ржавая держава.

Каменоломня есть за три версты.
По берегу идёт дурная слава.
Разведены последние мосты.

12–13.10.1981

«Кровью река течет в каменном сердце твоём...»

Кровью река течет в каменном сердце твоём
город мой – истукан, город мой – камнею

Имя твоё по всей стране разнесла молва
что ни река – Москва, что ни город – Москва.

Я люблю наблюдать осень в садах твоих
ветер стремится ввысь, словно свободный стих

Листья стремятся вниз, словно осколки строф
город мой – вертопрах, город мой – пустослов.

Александровский сад. Каменная стена.
Кремль – это просто дом – дом, где стена одна

Кремль – это Божий дом, место без общих мест.
Кремль – это просто мост. Кремль – это просто крест.

Город прямых крестов, снятых с церкви святых
город каменных снов каменных мостовых

Город – железный свод, город – ружейный ствол
город – живая жизнь, город – святой престол.

Кто ты, что ты – Бог весть – истина или ложь
белый день – ты скорбишь, чёрный день – ты поёшь

Облик твой сотворенный – лишь подобье творца
нет начала тебе – и не видно конца

Можно лгать о тебе – ты не станешь винить
можно долго тянуть бесконечную нить

Но на слово твоё не наложишь печать
ты и в смутное время не сможешь молчать

Я люблю тебя, город мой – пепел и дым
город мой – стародум, город мой – херувим

Город желтой больницы и серой тюрьмы
город красного лета и белой зимы

Нет ни воли расстаться, ни силы уйти
нас одно возвращение ждёт на пути

В город – вечный покой, город вечный укор.
Город смерти – закрытый Успенский собор.

13–14.10.1981

«Дом из дерева. Вид...»

Дом из дерева. Вид
На переулок. Лёд
На мостовой. Стоит
Церковь напротив. Бьёт
Ветер в колокол. Звон.
Снежная кутерьма.
Тёмные окна. Сон.
Это зима. Зима.

3.11.1981

«Ты счастлив ли, хозяин добрый мой?..»

– Ты счастлив ли, хозяин добрый мой?
– Но кто ты? И какое тебе дело?
– Я ложь твоя. Поговори со мной.
Ты лжёшь всю жизнь. Тебе не надоело?
– Я не умею лгать. – Постой, постой!
Не забывай кто я! – Ты тень без тела.
– Я ложь твоя. Не лги же мне. – Одной
Лишь правды я хочу! – И я хотела...
– Но где же правда? – Ржавчина разъела.
– Оставь меня. – Нет, я умру с тобой.

– Но в чём я лгу? – Ты всё твердишь: святой
Франциск, любовь, Христос... – Как ты
посмела!..
...смиренье, Бог... Всё это – звук пустой
В твоих устах! – Ты лжёшь! – А ты? Сгорела
В моём огне душа твоя. – Пой, пой...
Все песни лжи – не ложь ли. – Почернела
Твоя больная совесть. – Белизной
Лишь ангелы... – Что было прежде бело —
Не очернить. – Ты мне осточертела!
Оставь меня! – Нет, я умру с тобой.

«Осенние черные птицы...»

Осенние черные птицы
Нашли золотое дерево.
Они опустились плавно
На ветви. Поднялся ветер.
Дождь оказался похожим
На белый цветок холодный.
Медленно под облаками
Опускались его лепестки.
И ветер тихо смеялся
Между землей и небом.
Ветер любил смеяться
Над листвой и дождем.
Но вот потемнело небо,
Ветер и дождь умолкли,
Дерево облетело,
А птицы остались одни.

7.11.1981

«Бездомное белое облако...»

Бездомное белое облако
Свило себе гнездо
В водосточной трубе.
Иногда к нему в гости
Залетал теплый ветер,
Игравший роль почтальона,
И приносил письма
От других облаков.
Письма были завернуты
В конверты из желтых листьев
И говорилось в них
Всегда об одном и том же:
О городах и звездах,
О звездах и городах.
Но однажды пришла телеграмма
Без конверта и с предупреждением,
Что черные тучи летят
На город и будет дождь.
Облако улыбнулось,
Погрустило, но плакать не стало
И, попрощавшись с ветром,
Улетело Бог весть куда.
А гнездо так и осталось,
И после дождя наутро
Его вынул водопроводчик
Из трубы и отнес домой.

«Дом. Золотая соль...»

Дом. Золотая соль
Под зелёным стеклом.
Люди проходят вдоль
Улицы, входят в дом.

В доме на стенах спят
Белые облака.
В городе – листопад.
В доме – ни ветерка.

В городе – пыль столбом,
В доме – бесплотный дым
Белый, и синий дом
Кажется голубым.

В воздухе взмах рукой —
Золотая черта.
В доме всегда покой.
В городе – суета.

Здесь не умер никто.
Здесь никто не живёт.
Здесь происходит то,
Что не произойдёт в городе...

28.11.1981

«Не выходя из комнат...»

Не выходя из комнат
Где наши души спят
Нас так и похоронят
Но вряд ли сохранят
Положат – и прогонят
Земной порядок свят
Забывшие – припомнят
Умершие – простят

Нельзя же в самом деле
Печалиться всерьёз
Без лишней канители
Без лишних слов и слёз
(И слова не проронят —
Хоть бейся об заклад!)
Забывшие – припомнят,
Умершие – простят.

«На корабле, скользящем так легко...»

На корабле, скользящем так легко
В воде живой и в голубом огне,
Стекло звенит. Лети, Вдова Клико,
Осколками в ночной голубизне.

Стекло звенит, и весла воду пьют,
Цветет фальшивым золотом волна.
Слепым гребцам лепешки выдают,
Когда земля встает из полусна

Вдали. И дышат в трюме тяжело
Лимонный шелк и сладкая смола.
Под ветром гаснет медь. Звенит стекло.
Слепит глаза седая полумгла.

Благословен тот день, вчерашний свет,
Когда, оставив время за кормой,
Как бы страну, которой больше нет,
Мы входим в этот сумрак голубой.

Благословен тот вечер – легкий страх,
Тот черствый хлеб, та чистая вода.
...На корабле, летящем в облаках,
Звенит стекло, прощаясь навсегда.

Звезда

Я излучаю лёгкий свет,
Столь лёгкий, сколь пустой,
Я думаю, что много лет
Назад я был звездой.

Звездой – в песочном царстве звёзд,
Невидимых с Земли,
Слезой – в небесном море слёз,
Что с Божьих глаз текли.

Я был звездой, я был огнём,
Десятки тысяч лет
Вокруг меня вращался сонм
Безжизненных планет.

Я дал им жизнь. Лучи мои
Согрели их во мгле,
Рождались люди – и цвели
Сады на их Земле.

Рождались люди, города
Шумели. Мир был прост,
Все знали: есть одна Звезда
В безбрежном царстве звёзд.

Но вот мой свет угас. Вослед
За ним их жизнь ушла —
Во мгле Вселенной жизни нет
Без звёздного тепла.

Теперь – родившись в век иной,
Я стал рабом Земли,
Но звёзды свой огонь пустой
Навек во мне зажгли.

Но нет от моего огня
Ни счастья, ни тепла.
Вращаются вокруг меня
Холодные тела.

Верни, Господь, лучи мои
Мой прежний свет верни
А если нет – так оборви
Мои пустые дни.

Нет места звёздам в жизни сей,
Так лучше смерть, чем свет,
Чем для любимых и друзей
Судьба пустых планет.

8-9.01.1982

«Детство моё, ты приходишь всё чаще...»

Детство моё, ты приходишь всё чаще
В гости ко мне из твоей синевы
Солнечным светом и снегом звенящим,
Грустью умерших и счастьем живых.

Детство моё, ты приходишь неожиданно,
Школьные сказки твердишь наизусть.
Где же твои неоткрытые страны,
Страны, где счастье похоже на грусть?

Детство моё, ты смеёшься всё так же,
Пишешь стихи, о любви говоришь.
Что ни напишешь ты, что ни насажешь —
Сердце моё уже не удивишь.

Бог с тобой! Видно уж мне не проститься
С детством моим до конца никогда,
Видно и в старости будет мне сниться
Вечного детства живая вода.

Нищим, как жил, не оставив наследства,
Смерть мою встретив без слёз и без слов,
Я, улыбнувшись, вернусь в моё детство,
Вечное детство земли и цветов.

9.01.1982

«Двести лет назад чёрный дуб стоял...»

Двести лет назад чёрный дуб стоял
На улице Белых Шуб.
Нищим жёлуди раздавал,
Как будто червонцы, дуб.

Когда на улице Белых Шуб
Поставили эшафот¹³ —
На чёрный помост распилили дуб,
А виселица – не в счёт.

Двести лет качается чёрный труп,
Помост занесла метель...
Растёт на улице Белых Шуб
Вечнозелёная ель.

6.03.1982

---

¹³ Намек на песню Жозефа Косма на стихи Жан-Поля Сартра «На улице Блан-Манто» («Dans la rue des Blancs-Manteaux»), в которой упоминаются казни времен Французской революции XVIII в.

«Четыре предмета в школе...»

Четыре предмета в школе
Учат детей тому,
Как из серой неволи
Попасть в голубую тюрьму.

Первый предмет – сложенье.
Всё складывается вокруг.
Победа плюс поражение
Равняется: враг плюс друг.

Вторая наука – деленье.
Мир делится на добро
И зло, цепь событий – на звенья,
Крыло – на кость и перо.

Вслед за тем – вычитанье.
Душа минус тело – ноль.
Крик минус звук – молчанье.
Здоровье – хлеб минус соль.

И наконец умноженье
Знаком креста отметь:
Множится всё: движенье,
Жизнь, остановка, смерть.

7.03.1982

«Богу помолимся в тишине...»

Богу помолимся в тишине.
Отдых – спинам,
радость – сердцам.
Господи, сколько ещё камней
нужно
чтоб возвести Твой храм?
Не на телеге
не на арбе
возим —
молча, с пеной у рта
каждый несёт на своем горбе
камень.
Он не легче
креста.
Что толку спорить
о тяжести
нош.
Несенье креста
нелегкий труд.
Но если ты собственный крест
несешь —
радуйся: скоро тебя
распнут
и ты отдохнешь.
Камень страшней
чем крест.
Ни время ни смерть
не ждет.
Босые
по остриям камней
мы носим
камни
из года в год.
Изо дня в день
из часа в час
из лета в лето
из века в век
мы носим камни
а если нас
выносят —
так значит навеки.
Снег
над нами кружится
солнце палит
ветры и ливни

сбивают с ног.
На черный мрамор
ложится
гранит
каменный блок
на каменный
блок.
Го с поди!
Твой ли строим престол?
С нами ли не заключишь
союз?
Как бы Твой камень
ни был
тяжел, —
совесть – более тяжкий
груз!
В гору
(что там Сизиф!)
на спине
камень,
а совесть – в себе
несём.
Го с поди!
Сколько ещё
камень
нужно чтоб возвести
Твой Дом?

Апрель 1982

«Смотри: попадешь в тиски...»

Смотри: попадешь в тиски —
Останешься без руки
Останешься без души
Останешься без (пиши
пропало!) зрения. Без
Слуха. Без всех чудес
Мира. Потом – ищи
Ветра в поле! (Не возропщи!)
Гляди, пропадешь в тисках
Останешься в дураках
(А может – в веках?) в руках
Останутся пух и прах
Останешься без (как нож
в сердце!) жизни. На грош —
тела. Одна душа
И то – лишь на два гроша.

Рогово

I

Неспешно – время не стоит
на месте – идёшь по направлению
на север
без компаса – а в небе облака
почти что спят,
а под ногами клевер
цветёт
и вдалеке течёт река.
И ты идёшь – и нет вокруг
волненья,
и листья на ветвях не шелестят,
затем что ветра нет.
Поёт
безвестной птицы голос.
Вот вода,
но это не река – почти ручей
ничей.
Затишье за собой ведёт
на поводу
грозу.
Реки нет и следа,
ковыль
напоминает спелый колос,
четыре озера
раскинулись
внизу.

26.04.1982

II

Вот мы и снова
на воле
недалеко от небес.
С одной стороны
бескрайнее поле,
с другой —
бесконечный лес.
Ни слова —
спит тишина.
Как бы не разбудить...

Ничья дорога,
ничья страна.
Стоит лишь затаить
дыханье – и ты поднимешься
ввысь,
бросив последний взор
в вечность,
в которой и смерть
и жизнь —
сон четырёх озёр.

27.04.1982

III

Чем дальше,
тем бережней,
тем осторожней ступаешь.
Вот кажется, ветер проснулся
и бросился прочь.
Здесь время исчезло.
Как странно, что не замечаешь,
какое сегодня число,
и невольно ещё различаешь,
что на небе...

Памяти Высоцкого

Не скончался,
не умер,
он просто ушёл.
Так уходят минуты
и годы.
Так бессмертная юность
уходит из школ
на войну
ради смертной свободы.

Так уходит любовь
и весна за весной,
так уходит
и молодость тоже.
Чтоб вернуться
принявшею облик
иной,
чтобы ближе нам стать
и дороже.

Так уходят поэты
из дома:
пора!
Велика их святая
беспечность.
У поэзии нет
ни кола ни двора,
только перья, бумага
и вечность.

Их ни зависть,
ни жадность
с тугою мошной
не удержит —
им путь уготован.
У поэзии нет
ни гроша за душой,
есть одно лишь бесценное
Слово.

Слово сказано.
Песенка спета.
Печать
наложили, чтоб эхо
молчало.

Но поэта
заставить нельзя
замолчать,
даже если
его и не стало.

Жжёт огонь
наши души,
молчанье нам лжёт.
Мы живём,
к тишине приготовясь.
Нам остались лишь песни,
в которых живёт
наша полусожжённая
совесть.

Всё едино.
Высоцкий,
для нас ли одних
ты всегда говорил
про другое.
Вот и кончился бой.
Мы остались
в живых.
Только ты не вернулся
из боя.

Наши мёртвые
нас не оставят в беде,
и когда
корабли мы сжигаем,
они сходят с небес
и идут по воде.
Шторм стихает,
и мы оживаем.

И разомкнуты песней
немые уста
всех,
казалось, навеки уснувших.
Наши мёртвые живы.
Могилы пуста,
а Высоцкий
живёт
в наших душах.

2.05.1982

«Церковь...»

Церковь.
Церковь и ограда.
Церковь и ограда. Склон.
Сад.
Скорей подобье сада.
Кладбище.
Часовня.
Звон
колокола еле слышен.
Небо с четырех сторон
неподвижно.
Еле дышит
ветер.
Вечер.
Вечный сон.

10.05.1982

«Детским почерком...»

Детским почерком
в тетради учениц
переписывать псалмы,
да из тьмы
увидев свет,
простёршись ниц,
помолиться
нараспев: «Якоже мы
оставляем...»,
оставляя всё
как есть,
должникам,
которых ныне и не счесть,
несть числа им.
Но забыв, что несть
числа,
отнести всё зло
к добру,
не помня зла.

10.05.1982

«В доме напротив горит...»

В доме напротив горит
красное окно.
Тёмная улица спит,
и на душе темно.

Капли дождя текут
вниз по стеклу.
Зевс поднимает кнут,
правит Амур стрелу.

Спящие. Лучше нет
цели. Из тишины —
в сердце. Далёк рассвет.
Спящие видят сны.

Окна домов черны,
словно глазницы душ.
Отраженье Луны
бьётся в осколках луж.

Дождь в темноте дрожит.
Жизнь уходит на дно.
В доме напротив горит
красное окно.

25.05.1982

«Небосвод из серого камня...»

Небосвод из серого камня,
Известняк седых облаков,
Вновь известье несёт тоска мне,
Что на свете есть город Псков.

Сонный город пустых соборов
И медлительных горожан,
А за ним – простор косогоров
И полей, где вдоль по межам

Дождь проходит почти неслышно,
Словно осень плачет во сне,
На коленях перед Всевышним
Кто-то молится о весне.

Скоро праздник святой Натальи.
В небесах между серых плит —
Два просвета синей эмали
И под ними церковь стоит.

22.08.1982

«Здесь есть деревни без названья...»

Здесь есть деревни без названья.
Зачем названья деревьям?
Дома из дерева, из камня
Соборы: дом, как будто храм.

Но здешний край весельем беден.
Здесь всё молчит. И на краю
Небес лишь колокол из меди
Звонит заутреню свою.

22.08.1982

«Нам никто не ответит...»

Татьяне

Нам никто не ответит.
Дай мне руку. Идём
Выше – туда, где ветер,
Где наш истинный дом.

Выше – туда, где травы,
Где небосвод звенит.
Дальше – туда, где слава
Так похожа на стыд.

Солнечный путь был долог
Меж полей и холмов.
Ночь раскрывает полог.
Тише... не надо слов.

Нам никто не ответит,
Скоро конец пути,
Остановиться негде,
Остаётся идти.

Выше – туда, где звёздным
Заревом крест объят.
Дальше – туда, где поздно
Возвращаться назад.

22.08.1982

«Сварим зелье из вечерних трав...»

В.Е.

Сварим зелье из вечерних трав,
Брагу из полночной повилики
И сплетём венки для Вероники
Из цветов и всех её забав.

Будем зелье пить и толковать,
Всё простое называть великим,
И над нами станут Вероники
Волосы в венке из звёзд сиять.

22.08.1982

Из Римских этюдов (Первый этюд)

Друг Цезаря уснул. Он видит сон:
Республика упразднена тираном,
Повсюду льется кровь ручьем багряным
И что ни день – то праздник похорон.

Враг струсил – но у друга не дрожит
Рука... и с белой тоги кровь стекает.
Друг Цезаря уснул. Никто не знает,
Что завтра Цезарь будет им убит.

25.08.1982

Из Римских этюдов (Последний этюд)

Друг Цезаря увидел вещий сон.
С бессонницей обнявшись на постели,
Теперь он молча мается без цели.
Без Цезаря. Бесцветен небосклон.

Гетеры дремлют. Третья стража спит.
Рим словно вымер. Лавки опустели.
Никто не знает, что в своей постели
Друг Цезаря бессонницей убит.

25.08.1982

«Господи, останови Солнце...»

Господи, останови Солнце,
Господи, останови Землю.
Пока ещё дождь льется,
Господи, останови время.
Пока ещё снег кружится
Над белой земли постелью,
Запечатлей наши лица
В вечной Твоей поэме.

Господи, останови ветер,
Господи, восстанови гнезда.
Пока серп Луны светел,
Господи, останови звезды.
Пока Твой сон ещё длится,
Дай Бог нам уснуть просто.
Когда замолчат птицы,
Будет уже поздно.

Август 1982

«Блестящий недоучка, ноября...»

Блестящий недоучка, ноября
Приёмный сын, непрошенный вития,
Который год я нищенствую зря.
Который час? Я пьян от ностальгии.

Ушедших нет, умершие ушли.
Который век они недостижимы.
Отчаливают в небо корабли
От той земли, в которой возлежим мы,

В которой возлежали мы. Отнять
Нельзя у нас слепого тяготенья
К земле, в которой будем возлежать
На лаврах – и питать собой растенья

Земли. На ней мы строим города.
Другие мы – и в то же время те же.
В театре начинается тогда
Последний акт, который неизбежен.

Который акт? Не спрашивай: Бог весть
Который. Связь времён одновременно
Летит куда-то в пропасть, будто есть
Другая пропасть, кроме сцены. Сцена

Вращается. Уже не различить
Её вращенья. Падает, вбирая
В себя времён связующую нить,
И вот актёры падают, играя

Всё те же роли. Недоговорит
И падает. В суфлёрской бьют тревогу,
И весь театр, падая, летит
Куда-то навзничь – к чёрту или к Богу.

Но нет, куда-то – значит в никуда.
Есть город на земле – он так зовётся.
Над ним сверкает Чёрная звезда,
И в пригороде не заходит Солнце.

Есть город на земле – и в нём живёт,
Не различая, «мягко» или «жёстко»,
Весь этот навзничь театральный сброд,
Упавший в город Спаса-на-подмостках.

Ушедшим поэтам

Певчие птицы – они не умели петь.
Они говорили. Дай Бог каждому так говорить.
Уже при жизни они не умели стареть
И после смерти ещё продолжают жить

24–25.09.1982

«Не прерывай меня, пока мой голос тих...»

Не прерывай меня, пока мой голос тих,
пока он медлит вырваться из гнезда гортани,
как птица – и пока звенеть не перестанет
молитва о любви в колоколах литых
из бронзы, о которую почти во тьме
всё бьётся мой глагол там, где светлеет смальта —
над травами земли и над землёй асфальта —
и падает плашмя на каменной сурьме.

Мой город ещё ждёт моих последних слов.
Не прерывай меня, пока мой голос слышен
над кровлями домов, над коими всё выше
слова мои несут осколки облаков,
и вот всё выше слог, которым говорю.
Архаика небес над колокольным звоном
величественна. Движет ветер перстом холёным,
и август вновь раскрыл объятья сентябрю.

Осенней музыки *Cop Anima*¹⁴, чей хор
предшествует крылатой почте перелётных,
И золотые очертанья знаков нотных
подобны листьям на ветвях на склонах
Воробьёвых гор.
Пока гармония ещё не умерла
сей пьесы музыкальной, лучшей из инвенций,
пока ещё поют о Деве и Младенце
над городом моим колокола,
не прерывай меня – они ещё звенят,
над ними только птичьих стай местоименя.
Всё выше голос мой. Не умолкает пенье
над городом моим. Не прерывай меня.

Сентябрь 1982

---

¹⁴ С душой, с чувством (итал.).

«Здесь музыка – преображение Слова...»

Татьяне

Здесь музыка – преображение Слова,
Лишь пенье птиц да звон колоколов,
За церковью Онуфрия Мальского
Склонилось Солнце на края холмов.

Всё ближе ночь. И вот умолкли птицы.
Лишь медь звенит над царством тишины.
Мир тёмн. Но колоколам не спится,
И люди видят радостные сны.

1.10.1982

«Вот и опять белизна права...»

Вот и опять белизна права
Снег не вернется вспять
Осень, где твои острова
В белом море искать

Справедливости холодной
Нет никаких основ
Холод мой, в белизне твоей
Больше нет островов

Бог мой, сколь долго я ждал мой долг
Снова отдать зиме
Я искал ледяной осколок
В теплой осенней тьме

Друг мой, сколь долго я ждал мой дом
Выкрасить в белый цвет
И выходил гулять босиком
На ледяной паркет

Вот я и праздную тихий час
Снега и сквозняка
В море, где не смыкая глаз
Не найти островка

Снежная справедливость найдет
Новый простор для тьмы
Ночь над городом. Хоровод
Белых цветов зимы

«Сказка фальшивых блессток...»

Сказка фальшивых блессток
Чернью ставшая знать
Город мой перекресток
Ты смеешься опять

Ты над глиной колоссов
Вновь летишь налегке
Город – нищий философ
В шутовском колпаке

О завравшийся гений
Сколь нахален твой пыл
Плоть живых сновидений
Мрамор братских могил

Смех твой – мороз по коже
Плачь твой – святая ложь
Город, ты лжешь. И все же
Как ты правдиво лжешь.

«Сколько лет уже прошло...»

Сколько лет уже прошло
Сколько зим
Сколько лет мы всё живём
Не тужим
Господин мой?

Сколько дней уже прошло
И ночей
Сколько лет назад уж
Высох ручей
Господин мой?

Сколько радостей прошло
Сколько бед
Скольких братьев и сестёр
С нами нет
Господин мой?

Сколько лихолетий
Сколько годин
Вместе мы – да только ты
Всё один
Господин мой?

«Тот, чьё мощное дыхание...»

Тот, чьё мощное дыхание
Оживило тьму и свет,
Тот, кто дал вещам названия
И направил путь планет,
Тот, кто есть нигде и всюду,
Тот, кто дал начало чуду,
Да простит меня. Я буду
В вечном перед Ним долгу.
Но с тех пор никто не в силах
Белизну найти в чернилах.
Жизнь есть церковь на могилах.
Бог свидетель – я не лгу.

Я не лгу хотя бы в том,
Что моё признание ложно.
Птица лжи свила гнездо
В сердце. С нею невозможно
Жить в согласии. И нет
Сил с ней спорить бесконечно.
Пусть простит меня тот Вечный,
Кто направил путь планет.

Братя, у кого в сердцах
Правда – ложь мою исправьте.
Мир стоит на трёх китах:
Правде, Лжи и Полуправде,
Полуправда – полуложь!
Жизнь моя, мой хлеб единый,
Не твоей ли половиной
Я плачу последний грош?

«Всё легче и тише – и лучше для всех...»

Всё легче и тише – и лучше для всех,
как время без страха и речь без помех,
как солнце без слёз и случайный успех —
и как разрешённый вопрос.
Как пламя, которое скоро умрёт,
как белая краска для Красных ворот,
как сладкий тягучий и приторный мёд —
случайный и лёгкий успех.

Но горечь встаёт словно солнце в дыму
железным лучом рассекающим тьму
отточенным лезвием – и одному
тебе не уйти никуда.
Во всех измерениях пространства пустых
без звука без памяти без запятых
стоят в тишине сновидений твоих
разрушенные города.

Уйти бы тебе – но куда же уйдёшь?
Всё легче и проще – особенно ложь
и мёд твой безвкусен и цвет нехорош
и время у страха в плену.
И всё же без помощи (Бог сохрани!)
как повод для смеха предмет болтовни
ты вновь возвращаешься в мирные дни
как будто идёшь на войну...

Тёмная музыка

Ю.О.

Визави-невидимка, вновь ты против меня.
Ночью, когда стихают ссоры и болтовня
В доме, когда другие видят Солнце во сне,
Вечный мой собеседник, ты приходишь ко мне.
Кто-то сказал, ты помнишь, что тишина есть ложь.
Ты неслышно приходишь, ты неслышно уйдёшь.
Ты приходишь неожиданно, поступь твоя легка.
Так рождаются в небе тихие облака.
Голосом столь же тихим ты начинаешь речь,
Словно ты хочешь голос спрятать или сберечь,
Словно не существует громких и лживых слов.
Так едва различимо пенье колоколов
Издалека. Так в море музыка звёзд звенит,
Память перебирает струны старых обид.
Речь твоя невесома, еле внятны слова.
Это почти что шепот – так говорит листва
Осенью, если ветер вьётся в ветвях деревьев.
Это напоминает еле внятный напев,
Слышанный где-то в детстве. Голос твой так знаком.
Жаль, что нельзя вернуться в те времена тайком
И подсмотреть, подслушать – где и о чём, когда
Ты говорил со мною некогда, в те года.
Но не найти истока голосу твоему:
Память не возвращает то, что ушло во тьму.
Ты говоришь, что память – слишком горький укор,
Что человек непрочен, хрупок, словно фарфор.
Ты говоришь: любовью не излечить тоски,
Не повернуть без боли вспять течение реки.
Ты говоришь, что счастье – сказка для дураков,
Счастье живёт на свалке на пустыре богов,
Ты говоришь: бессмыслен плач и безумен смех.
Ты говоришь: бессмертьем названа ложь для всех.

Что ж, я тебе отвечу. Пусть не хватает мне
Слов – и бессонный разум ищет слова во сне,
Пусть этой ночью время скрыто кромешной тьмой.
Вспомни меня. Когда-то я говорил с тобой.

Память – не слишком горький укор:
Горечь одна на всех.
Никнет трава, и гаснет костёр,
И умолкает смех.

И поражений не отличить
В памяти от побед.
Рушится здание, рвётся нить,
И умирает свет.

Память не слишком горький укор:
Горечь чиста, как снег.
Что же ведёшь ты бесплодный спор
С памятью, человек?

Где над беспамятством бытия
Кружится воронья,
Горькая память – участь твоя,
Оправданье твоё.
Память не помнит мелких обид,
Пошлых и льстивых слов.
Может быть, радость твою хранит
Память иных веков.

Горький укор? Нет, отблеск огня,
Осветившего твой
Мир. Когда-то – вспомни меня! —
Я говорил с тобой.

Вспомни меня. Когда-то я говорил с тобой
В детстве, когда, я помню, мир был иным. Иной
Музыкой было время. Свет не имел теней.
Вспомни, ты говорил мне: «Время беспечных дней
Недолговечно. Скоро жизнь изменит цвета.
Будет на месте Солнца чёрная пустота.
Озеро станет лужей, грязным ручьём – река.
Вместо синего неба – серые облака».
Ты говорил... Я знаю, ты оказался прав.
Так исчезло бесследно время детских забав.
Где был костёр – остались только зола и дым.
Мир потускнел, и время стало совсем иным.
Время цвета сменило – в этом не было лжи.
Только зачем мне было всё это знать, скажи?
Да, ты был прав. И всё же вся твоя правота —
Лишь чернильная капля на белизне листа.
Ибо я всё же помню мир, где я прежде жил.
Ты лишь в одном ошибся – в том, что я не забыл.
Ибо я всё же помню: Солнце – не чёрный круг.
Помню реки течение, небо, цветущий луг,
Озеро... Всё исчезло. Век не вернётся вспять.
Да, ты был прав. И всё же памяти не отнять
У человека, даже если он еле жив
И ожидает смерти, голову обнажив.
Все мы недолговечны – я продолжаю спор —

Да, человек непрочен, хрупок, словно
фарфор.
Но...

«Я видел эту столицу...»

Я видел эту столицу,
столицу людей и птиц,
где неразличимы лица
сквозь стекла домов-больниц,
где очередью-драконом
змеится поток воды
и пахнет дорожным звоном
и горечью лебеды.

Деревья стоят, спокойны,
безмолвны и так легки,
и слышится хор нестройный
на том берегу реки,
печаль своё отслужила,
ей большего не дано,
и тихие старожилы
на лавочках пьют вино.

Идет беспечный прохожий
от смерти на волоске.
Здесь дом его – и Дом Божий,
построенный на песке.
Здесь дом его – но, беспечен,
он мимо идет, спешит,
и плачет бездомный вечер
над миром чужих обид.

А где-то смеются. Скромно
подарок, учтив поклон.
А где-то в счастливом доме
любовь убивает сон.
А где-то зеркало бьется
и кто-то стоит один...

«Из блестящей мишуры...»

Из блестящей мишуры,
Из досужих разговоров,
Из безумия игры
Музыкантов и актёров,
Из сатиновых рубаш,
Из дворцов, где суд вершится,
Век рождался на глазах
У безбожных очевидцев.

Из таинственных стихов,
Из религиозных споров,
Из заплёванных цехов,
Пропаганды горлодёров,
Из молчанья на устах,
Из неведенья благого
Век рождался – на словах
Без единственного Слова.

Из нуля, из ничего,
Беллетристики, балетов,
Безделушек Art Nouveau,
Надувательства, наветов,
Из возвышенной любви,
Из стихов к Прекрасной Даме
Век рождался на крови,
Ибо кровью стало пламя.

Испокон веков живёт
Человечество в надежде:
День придёт... настанет год...
Будет лучший век, чем прежде...
Будет райское житьё,
Век без смерти и печали.
Это – ложь. Но мы в неё
Верим, как бы нам ни лгали.

«Здравствуйте, вещи века...»

Здравствуйте, вещи века,
я ваш покорный шут.
В детстве и в доме Джека
вещи одни не лгут.

Спутница человека,
вещь – почти человек.
В сказке о доме Джека
живы лишь дом и Джек.

Здравствуйте, все предметы,
чья беспредметна суть.
Вы живые приметы,
вас нельзя обмануть.

Нас связует, быть может,
лишь незримая нить:
вас нельзя уничтожить,
нас нельзя изменить.

Здравствуйте, вещи жизни
(жизнь – высокий предмет!).
В вещи, как в силлогизме,
«да» переходит в «нет».

В мире предметов чертит
смерть кривую времён.
Здравствуйте, вещи смерти,
овеществлённый сон.

Как же мы привыкаем
к вам, забывая вас,
вещи, чья боль немая —
боль не для наших глаз.

Мы в вас вселяем нечисть,
вас превращая в хлам.
Вещи! Вы наша вечность,
память о нас векам.

Здравствуйте, вещи Бога,
я ваш покорный шут.
Век высокого слога —
только предмет минут.

«Из памяти сердца уходят слова...»

Из памяти сердца уходят слова,
Как Солнце из дома, где вечер,
И в море небесном плывут острова,
Летят удивленье навстречу,

Как птицы, забывшие гнёзда свои,
Как бабочки ночи при свете,
Как ветер, которого, сколь ни живи,
Увидеть нельзя, и, как дети,

Ушедшие из дому, чтобы найти
Страну, где их старость обнимет,
Слова появляются, чтобы уйти,
Волнами сверкнув золотыми.

И нам ли за ними бежать наугад,
Надеясь на их возвращенье?
Пусть тёмные волны над нами шумят:
«Забвенье, прощанье, прощенье...»

Сердечная память под утро уснёт,
Останется мир неизвестным.
И только сирена о счастье поёт
Над островом в море небесном.

«Густав Малер, из твоей...»

Густав Малер, из твоей
Горечи, твоих legato,
Ницше, из твоих речей,
Штейнер, из твоих трактатов,
Ленин, из твоих бесед,
Лозунгов и правды куцей
Вырвался на Божий свет
Демон войн и революций.

Блок, не твой ли страшный мир —
Бред живой головоломки?
Скифы, бросив светлый пир,
Топчут тело Незнакомки.
Кафка, твой безмолвный крик
Горестней любого стона,
Твой процесс зашёл в тупик:
В этом веке нет Закона.

Вот он, век – глядите все,
Все, кто ждал времён счастливых,
Вот он век – во всей красе,
Век расстрелов молчаливых,
Век доносчиков и жертв,
Век – игрушка для младенца,
Век свершений и побед —
Век по имени Освенцим.

Век – над миром чёрный смог
И отравленные реки.
Век – музеи на замок
И в тайник – библиотеки.
Век, где истреблён огнём
Лес за проволочной сетью.
Век, в котором мы живём
Больше, чем тысячелетье...

«Иронический пафос, высокий холод...»

Иронический пафос, высокий холод,
Союз неблагоденствия, вотум недоверия...
Великий провинциальный город —
Бывшая столица бумажной империи.
Большой дом – с Новым годом! – детские подарки.
Из трубки вождя – дымок пятилетнего плана.
Лондонские диспуты в Михайловском парке,
На Дворцовой площади – колонна Траяна.
Напечатаем мемуары И.О. начальника Второго Цеха¹⁵,
Встретим закрытие Дома Искусств поздним гневом и болью,
В то время как редактор читает, задыхаясь от смеха,
Горячо любимую книгу – «Записки из подполья».

---

¹⁵ Очевидно, имеются в виду воспоминания Георгия Иванова, возглавлявшего вместе с Г. Адамовичем второй петербургский Цех поэтов.

Польской сестре

*Nad Betlejem uśmiech Boży
A Betlejem – to my sami¹⁶
Czerwono-Czarni. Kolęda*

Накануне времени прощанья
Я не говорю тебе «прощай».
Даже в наш проклятый век отчаянья —
Do widzenia, siostra. Вечный рай

Есть ещё в сердцах. И если вечен
Чистый свет, сияющий во мгле,
Верь, сестра, мы встретимся. До встречи
В час свободы на твоей земле.

Анна, Анна, скорбью, тайной болью —
В памяти души – твои слова,
Где конец лихому своеволью
Власти, что одним штыком жива,

Где конец глухому лихолетью
Лживых слов, кровоточащих ран.
Ночь кричит – как будто хлещет плетью
Чёрный бес сирену варшавян.

Польша, Польша, что с тобой случилось?

---

¹⁶ «Улыбка Господня над Вифлеемом, а Вифлеем – то мы сами». Из колядки, исполнявшейся польской группой «Czerwono-Czarni».

«Так записано в вечной Торе...»

Так записано в вечной Торе:
Бог из народов избрал народ
На земле пустынь и предгорий
У предела зыблемых вод.

У грядущих времён истоков,
На пепелище прежних богов
Бог избрал народу пророков,
Дал завет на веки веков.

Так глаголет вечная Тора:
Богом закон Израилю дан.
Власть пророков воздвигла город,
Город – светоч времён и стран.

Царь Давид возносит псалмами
Славу Творцу. Наступает срок,
Там в иерусалимском храме
Явлен в слове незримый Бог.

Так повествуется в книгах Торы...

«В четыре дня проходит год...»

В четыре дня проходит год
Рискует смех и медлит страх
И птица времени живет
В стенных часах, стенных часах

В гостиной венских стульев вальс
И что-то пишет Берлиоз
Висит розовощекий Гальс
На кухне, где готовят морс

Потом, немного погода
Опять Весы и Скорпион
Эфир листвы, экран дождя
И медных клиньев перезвон

И молча, немощи бледней
Невеста входит в белый дом
И соль небесная над ней
Искрится ледяным стеклом

И вот опять несется вскачь
Дикарка, и неудержим
Ее восторг – взмахни, скрипач,
Смычком зелено-золотым!

Но вот в часах, где птица вьет
Гнездо – как будто полынья —
Вода и лед – проходит год
В четыре дня, четыре дня.

«Долго жили, твёрдо знали...»

Долго жили, твёрдо знали:¹⁷
Счастье – не ярмо Орды,
Но молчанье в час печали
И презренье в час беды.

И когда нас заставляли
Лгать и верить, что не лжём,
Мы воистину молчали
И стояли на своём.

Хан не миловал. А после
Богомольный царь казнил.
Человек не столь вынослив:
Пытки нас лишили сил.

И когда в безумном крике
Разомкнули мы уста —
В нас погибли свет великий
И святая немота.

Чтобы в горло нам не лили
Раскалённого свинца,
Предавали, доносили,
Клеветали без конца.

Из-за нас на Лобном месте
Кровь невинная лилась.
Кто молчал – лишился чести
Или жизни из-за нас.

Жили тихо – остаётся
Так же тихо умереть.
К нам молчанье не вернётся,
Свет ослепшим не узреть.

Видно, ждёт нас – если ждали
Мы награды за труды —
Лишь молчанье в час печали
И презренье в час беды.

---

¹⁷ Впервые опубликовано в сборнике: Стихи этого года. Поэзия молодых. М.: Советский писатель, 1988.

«Любимая, где мы? Что это за дом?..»

Любимая, где мы? Что это за дом?
И кто заломил нам руки?
Одни бессловесные лица кругом:
Уродцы, клоуны, слуги.

Любимая, кто это? Что за толпа?
Козлы, лесбиянки, черти.
Пока фанфаронила чья-то труба,
Нас приговорили к смерти.

Как тёмн и узок наш переход.
Кто спрятал источник света?
Всё кружится. Рушится небосвод.
Любимая, где я? Где ты?

25–26.02.1983

«Меня ждёт смерть. Письмом, на полуслове...»

Меня ждёт смерть. Письмом, на полуслове
Прервавшись, – остановись, мой век.
Душа моя, пребудем наготове.
Другим дано прервать течение рек.

Рек крови. Рек постылых слёз. Рек желчи
(Канализационный водосток!)
Рек страха, коим стыд наш искалечен,
Текущих в ночь на северо-восток.

Меня ждёт смерть, к которой в наказание
Я раньше времени приговорён
За то, что, видя сны, имел дерзание
Кричать на перекрёстках всех времён

О том, что страшен мир и что иного
Нам не дано увидеть и во сне,
О том, что сновидениям больного
Подобна жизнь людей в моей стране,

В стране, где все нелепости законны
И где закон бессмысленно жесток,
Где ложь любой строки всегда резонна,
А правда обитает между строк.

О, как мы все успели изолгаться
В преддверии Последнего Суда.
Меня ждёт смерть. Но ведь должны остаться
Хотя бы письма боли и стыда.

Хоть полстроки не-лжи, ценою крови
Написанные, хоть полслова, хоть...
Меня ждёт смерть. Письмом, на полуслове
Прервавшись, – прими меня, Господь!

11.03.1983

«Научи меня дыханью...»

Научи меня дыханью
Лёгкому, как пенью птиц.
Городское мирозданье
Дышит ветром колесниц.

Символ города – одышка,
Улиц лестницы круты.
Не спасёт Амур-мальчишка
От привычной суеты.

Бросив толчею-злодейку,
С неким страхом беглецов
Так и сядем на скамейку
Отдыхать в конце концов.

Что нам пыльная дорога
Перед волей облаков!
Здравствуй, воздух – хатха-йога,
Вдох и выдох – дар богов.

22.03.1983

Письмо почти всерьёз

Говори мне о птицах и бедной траве,
О приметах и тайнах растений,
О цветочной пыльце, о пчелиной молве,
О значениях переплетений
Всех ветвей на деревьях, которые ждут
Дуновения ветра и влаги,
И о море, в котором качаясь плывут
Корабли из небесной бумаги.

И о море другом, где белее, чем снег,
Умирает холодная пена,
Где скалой из базальта стал Ноев ковчег
И стоят над скалой неизменно
Восемь звёзд, будто восемь медлительных дней,
Будто восемь неярких соцветий,
И в толпе суеверной прибрежных камней
Бьётся зеркало тысячелетий.

Говори мне о камне и о зеркалах,
Отражающих лица лукаво,
Ибо в зеркале смехом становится страх
И нередко бесславием – слава,
И не сводят с нас статуи каменных глаз,
Неподвижных в безмерной печали,
Ибо камень и зеркало видели нас
В наши чёрные дни – и молчали.

Я умолкну. Но ты говори о весне
И о бабочках золотокрылых,
Говори мне о том, что ты видишь во сне,
И о древних таинственных силах,
И о правде тех слов, что хранит от людей
Неприступная Библиотека,
И о том, наконец, что ты будешь моей
До скончания ЭТОГО века!

22–23.03.1983

«Я пишу ни для кого...»

Я пишу ни для кого,
Вывожу слова в тетради,
Осознав своё родство
С тем, кто шутит смеха ради.

Отдаю поклон земле,
Улыбаюсь небосводу,
Расставляю на столе
Застеклённую природу.

Мне, конечно, всё равно,
Кто прочтёт, кто отчитает.
Лучше просто пить вино.
Счастлив тот, кто обретает

Дух веселья в тишине,
Детские припомнив годы.
Счастлив, кто нашёл в вине
Не свободу – тень свободы,

Кто, не глядя в зеркала,
Песенки поёт лукаво,
Чья бесславно умерла
Неразгаданная слава.

9.04.1983

Письмо к Марии

Найди, Мария, чистую тетрадь
И в ней отметь, что было время года,
Когда нам приходилось собирать,
Как ягоды, частицы небосвода,
Упавшего на редкие кусты
Смородины. Был свет вокруг. И было
Едва понятно, почему кресты
На церкви солнце не позолотило.

Найди, Мария, в памяти мой смех
И бедный дом. И чистые озёра,
Где нам хватало воздуха на всех,
Округлый склон холма для кругозора,
И тишину. И плеск листвы впотьмах,
Когда под вечер вырывался ветер
Из леса. И почти знакомый страх,
Как будто мы совсем одни на свете.

И где же мы теперь, Мария? Как
Вернуться нам? Где та дорога в поле?
Где аисты? И где дорожный знак?
Где наша жизнь? От городской неволи
Друзья уходят в тишину садов,
В пустые книги и в дома веселья.
И пьём мы горечь солнечных часов
И памяти таинственное зелье.

И вот, Мария, мы опять одни,
И нет у нас ни Севера, ни Юга.
Нам не хватает воздуха. И дни,
Как близнецы, похожи друг на друга.
Но в памяти – сквозь шум чужих речей
Мы возвращаемся – и видим снова
Озёра, нимб из солнечных лучей
Над церковью Онуфрия Мальского.

13.04.1983

Дао навыворот

Я сяду в жестяной трамвай
За три гроша куплю билет
И стану втайне наблюдать
За выраженьем лиц
Прохожих. И услышу лай
Собак, шарманку злых бесед
Молчанье тех, чей долг молчать
И тихий смех блудниц

И я увижу мертвых птиц
Повсюду – и живых людей
Воровок, скупщиков картин,
Поэтов и солдат
Как ясен взор пустых глазниц!
Страна последних новостей
Гремит костями лихих годин,
Железками наград

На площади, где предки спят,
Где под асфальтом спит земля,
Где каждый камень знает толк
В обмане, смерти, зле
Целуются, плюют, кричат,
Бегут как крысы с корабля
И гордо вьется красный шелк
На гиблом корабле

И город варится в котле
На черной кухне суеты
Клокочет, льется через край
Но не найти огня
И дребезжит в живом стекле
Мой страх: искажены черты
И в ночь идет пустой трамвай
Где больше нет меня.

21–22.04.1983

Письмо из XVIII века

Добрый день – а лучше добрый вечер.
Добрый вечер, мой далёкий друг.
Я опять играю в чёт и нечет,
Свечи жгу и отпускаю слуг.

В чёрной шляпе, выцветшем камзоле
Пережил я тёмные года.
Я один в моём высоком холле
И пишу тебе Бог весть куда...

Скоро время долгожданной встречи.
А пока – летят пустые дни...
Вот и всё, мой ангел. Добрый вечер,
В добрый час – Господь тебя храни!

22.04.1983

Эпитафия

Печаль неуместна, и речь не о том,
Что вашей достойно печали.
Когда я исчезну, я стану кустом
Шиповника. Всем обещали

Бессмертные ангелы. Я не сойду
Под землю, где темень и тленье.
Взгляните – я с вами! Я в вашем саду!
И скоро наступит цветенье!

Что толку в граните под чёрным венком,
В молчании вашем глубоком?
Когда я исчезну – я стану цветком,
Нарциссом над синим истоком.

Нет смерти на свете и нет пустоты.
Бессмертье – поэзия света.
Взгляните, влюблённые, ваши цветы —
Ожившие души поэтов!

Хвала Тебе, Агнец Господень, за то,
Что Ты подарил мне дыханье,
Что жил я песчинкой под синим крестом
В кругу Твоего мирозданья,

Что дышит душа моя Словом Живым,
Склонив лепестки золотые,
Что в мире последним дыханьем моим
Останется «Ave Maria...»

12.05.1983

«Сильнейший из сильных идёт на войну...»

Сильнейший из сильных идёт на войну,
Хитрейший из хитрых ласкает жену,
Чистейший из чистых не знает утех,
Беднейший из бедных – счастливее всех.

Сильнейший из сильных в бою знаменит,
Хитрейший из хитрых ночами не спит,
Чистейший молитву творит без помех,
Беднейший из бедных счастливее всех.

Сильнейший за храбрость получит медаль,
Хитрейший ночами вкушает миндаль,
Чистейший уже стал белее, чем снег,
Беднейший из бедных счастливее всех.

...Сильнейшего скоро уложит война,
Хитрейшего скоро оставит жена,
Чистейший введёт свою душу во грех,
Бог видит – беднейший счастливее всех.

25–26.05.1983

«Чем дольше длится день, тем солнце ниже...»

Чем дольше длится день, тем солнце ниже
Чем ниже солнце – синий вечер ближе
И темнота из синевы встаёт
Торжественно – и в то же время просто
И скоро все невидимые звёзды
Из рукава достанет небосвод

Не разобрать который час на свете
Как будто тень семи тысячелетий
Спустилась на деревья и холмы
Становится прохладней чёрный воздух
И света нет. И долог путь при звёздах
И тьма идёт на смену полутьмы

Нам надо возвращаться. Ночь всё ближе
Здесь есть дорога меж холмов и хижин
Но где она? И как её найти?
Мы на границе вечера и ночи
И видимо нас зрение морочит
И путь мы видим там, где нет пути

И всё же мы идём – идём куда-то
На ощупь, потеряв страну заката
В тени семи безвестных тысяч лет
Мы – дети, полулюди, полубоги...
Никто не знает где конец дороги
И будет ли когда-нибудь рассвет.

27.07.1983

РУССКИЙ ЯЗЫК

Е.В.Ф.

Русской речи злой жаргон,
Пафос чёрных междометий,
Где, во тьме каких столетий
Этот выговор рождён?

Древний диалект Москвы,
Просторечие подростка,
Лоскуты бывшего лоска
Там, на берегах Невы.

О, Москва и Петроград —
Два наречья русской речи —
Звон набата, гром картечи,
Площадная брань солдат.

Корни дикой татарвы,
Цвет славянских окончаний,
Фрахт Голландий, фронт Германий,
Византийский слог молвы.

Слог молитвы, слог мольбы,
Проповедь иконоборцев,
Лесть неверных царедворцев,
Вероломство похвальбы.

Вот он – дерево-язык,
Чьи плоды порой незрелы.
Лет старинных устарела
Речь – к иному век привык...

И теперь иных веков
Истребляема крамола
На жаргоне комсомола
В словаре большевиков.

[Незавершённый венок сонетов]

I

Молчанье держит за руку меня,
И всё кругом молчит. И все предметы
Безмолвны. Это похороны лета.
Здесь неуместны смех и болтовня.

Приходит осень, пред собой гоня
На поводу дожди, листву, приметы,
И память в золотую ткань одета,
И ночь-болезнь уносит силы дня.

Ну что ж, прощай, весёлый, вольный век
Поющих трав и виноградных рек! —
И лето исчезает в чёрной Лете,

И спотыкаясь тень моя бредёт
В начало осени, где время ждёт
И беспокойный слух раскинул сети.

II

И беспокойный слух раскинул сети
Вдоль стен моих – и ловит каждый звук,
Но тишина очерчивает круг,
Круг тишины – как бы катрен в сонете.

Проходит мимо время, не заметив
Меня, летит куда-то бог разлук.
Слепой Эрот натягивает лук,
Но стрелы далеко уносит ветер.

Лучник, у ветра слишком много дел,
Нет дела ветру до любовных стрел,
Ему подвластны семь тысячелетий.

Ему подвластны все: и я, и ты,
Чернила, перья, белые листы
И византийский символ на монете.

III

И византийский символ на монете,
Ромейский герб, российский исполин
Готов взлететь с серебряных равнин,
Затмив все звёзды. Так, слепой комете

Подобный, он промчался бы, из клетки
Освобождённый в век лихих годин,
О двух венчаных головах – один,
Но нет – он скован цепью лихолетий.

Но нет: молчанье, страж его, стоит
Над ним и надо мной – и держит щит,
Пока не сгинет ложь земного рая.

Орлу нет места в стае воронья,
И всё же он – назло вороньей стае —
Готов перелететь границу дня.

IV

Готов перелететь границу дня
Мой дух. Вот-вот часы пробьют двенадцать.
О тишина, пора нам разобраться
Во всём, без слов, друг друга не браня.

О тишина, коней своих гоня,
Куда же ты спешишь? – и кони мчатся
Всё дальше... Мне бы за тобой погнаться,
Но у меня – ты знаешь – нет коня

И времени – ты видишь – тоже нет.
Так ночь темна, и так далёк рассвет,
И ты так далека. И значит, даром

Я прожил день, ярмо твоё кляня.
Но бьют часы. С двенадцатым ударом
День умирает, тишину храня.

V

День умирает, тишину храня.

Так умирают люди и растенья.
И ночь из света звёзд сковала звенья
Цепочки, что упала вниз, звеня.

Верлен в углу бормочет: «Il n'y a
Plus de Silence»¹⁸ – и вот я слышу пеньё
Не птиц – теней осенних. Тень за тенью
Они проходят, лето хороня.

Так было много лет. И будет так
Всегда. Цепочкой света Зодиак
Благословляет осень на планете

Пустынных городов. И ночь одна
Молчит. В её пределах – тишина,
И в тишине хранится сон столетий.

VI

И в тишине хранится сон столетий.
Не помнящим родства – им нет числа.
Кто сосчитал века? Кого спасла
Цифирь времён? Что – пафос междометий?

Где? – в Вифлееме или в Назарете
Искать спасенья? Горестная мгла
Нас окружает. Тёмные дела
Уносят жизнь в её пустом расцвете.

Нас окружают тёмные века,
Нам не сорвать тернового венка
И не взойти на крест. И кто в ответе

За все распятья ночи? – Мы одни,
И сон веков уносит наши дни,
Столетия спят – и вот темно на свете.

VII

Столетия спят – и вот темно на свете,
Книг не прочесть, икон не различить,
И кажется, осталось лишь почтить
С тем миром, что бессмертен в чёрном цвете.

---

¹⁸ «Молчанья больше нет» (франц.).

И всё же мы – слепцы, поэты, дети —
Во тьме столетий продолжаем жить.
Поэт ещё пытается сложить
Во сне легенду о другом поэте,

Слепой ещё пытается прозреть,
Дитя играет, чтоб не умереть,
И жизнь по кругу водит их впустую.

Смеётся смерть, над ними суд чиня.
Ночь наступает. Ветер торжествует.
Пора искать защиты у огня.

VIII

Пора искать защиты у огня.
Огонь, ты был всегда моей защитой.
Твой светлый щит, плющом любви увитый,
Хранил меня надёжней, чем броня.

Твою приязнь и мощь твою ценя
В мой чёрный век, печально знаменитый,
Я знал: ты – Солнце над святой Бригиттой,
Ты – жизнь моя! Ты, как мираж, маня,

Вёл разум мой. Ты посылал мне сны,
И вот теперь, когда без тишины
Приходит осень – будь моей опорой...

Молчанье держит за руку меня,
И беспокойный слух раскинул сети,
И византийский символ на монете
Готов перелететь границу дня.

День умирает, тишину храня,
И в тишине хранится сон столетий.
Столетия спят – и вот темно на свете,
Пора искать защиты у огня.

И вот огонь нарушил тишину,
Молчанье уступает место сну.
Орёл двуглавый уронил державу.

Сон держит руку на моём виске,
Мир гаснет. Жизнь висит на волоске,
И в воздух кто-то подмешал отраву.

31.08–06.09.1983

Тёмные сонеты

I

Где ствол стальной и чёрная листва
Бросают тень на ветер до-минор,
Где город искривляет корни гор
И впитывает кровь земли трава,

Где спорят, чуть не плача, острова
И морем дышит их бесплодный спор,
И пахнут прелью отголоски ссор
Островитян, не помнящих родства,

Здесь, в этом мире есть пустое место,
И ветер до-минор с подсказкой «presto»
Несёт туда осколки нот своих.

Но тень ствола ему ломает крылья —
И острова звенят туманной пылью —
Лишь человек живёт в местах пустых.

II. Сон деревьев

Ладонью влажной небо нас укрыло,
И воздух стал темнее, чем вчера.
Спадает с нас древесная кора,
В нас темнота движенье обнажила.

Мы все – деревья. Всё, что с нами было —
Лишь горечь страха в золоте костра.
Дыханье нам дано лишь до утра,
Пока судьба нам кроны не вскружила.

Но вот, держась ветвями друг за друга
И корни вырывая, вдоль стены
Идём во тьме к морскому побережью...

Неясный свет с востока. Ветер с юга.
Деревья спят. Всегда одни и те же
Им видятся несбыточные сны.

«Бабочки шепчут ночью...»

Бабочки шепчут ночью,
Воду из чашек пьют,
Сонному многоточью
Песенку лжи поют.

Определяют тенью
Каждый печатный знак,
Строят свои владенья
На белизне бумаг.

Бабочки ночью плачут,
Чтоб не сойти с ума,
Прячут свою удачу
В чёрные терема.

Бросив глухое пламя
В пепельный миоцен,
Медными коготками
Чертят морщины стен.

Бабочки ночью крылья
Бьют, не разбив стекла.
Книжной чернильной пылью
Вьётся узор крыла.

И когда наступает
В комнате смерть огня,
Бабочки умирают,
Не дожидаясь дня.

28.09.1983

«Зажгите огонь хотя бы во сне...»

Зажгите огонь хотя бы во сне,
Хотя бы во сне – зажгите,
И ваша печаль исчезнет в огне
Всех писем и всех событий.

Бумаги цветной пустые цветы
Останутся в чёрном цвете,
И выйдет из недр земли темноты
Огонь – и угаснет ветер.

Зажгите огонь, не знающий слёз,
Откройте окно без света.
Над пенем сверчков, над звоном стрекоз
Во тьме умирает лето.

Храните огонь разбитых зеркал
В каком-нибудь чёрном склепе.
Он скоро умрёт – и светлый кристалл
Во тьме превратится в пепел.

«Дарвин заводит шарманку свою...»

Дарвин заводит шарманку свою,
И происходят различные виды
Трав и животных. В едином строю
Люди и черви, козлы и сильфиды
Множатся в благоприятной среде,
В совокуплениях, страхе, вражде...
Жизнь их конечна и смерть первозданна.
...Во исполнение великого плана
Крутит шарманку старик неустанно
И наблюдает круги на воде.

1983

«Идти по незнакомой улице легко...»

Он заблудился в бездне времён...

Н. С. Гумилёв

Идти по незнакомой улице легко.
Но мы идём и ничего не слышим.
И всё, что видим мы,
становится привычным...
И вдруг
рушатся декорации!
Молния ослепляет!
Музыка!
Ритм шагов, грохот трамвайных колёс,
огонь на пути, город и человек...
Ввысь! рельсы напоминают лестницу.
Вверх! мир не умирает, но, распаясь на части,
переливается радужными цветами.
Смешаны карты времён, планеты
переменили
свои орбиты!
Это поэзия.
Поэзия всегда блуждает в бездне времён.
Поэзия всегда возвращается.
Из небытия.
Из забвения.
Из бездны.

«Храни свои воспоминанья в тайне...»

Храни свои воспоминанья в тайне
от ненависти, лжи и недоверья.
Не забывай того, что заставляет
забыть времён неверное течение.
Храни свой дом, свой долг, свой труд упорный,
свою любовь... Без них ты вряд ли сможешь
достойно жить и умереть спокойно.
Но прежде – сохрани живую память,
твой горестный укор, твой день вчерашний.
Запомни: прошлое – не мёртвый сумрак.
Оно – зеркало будущих событий,
напоминанье и предупреждение.
Его нельзя заставить замолчать!
Но в чёрный день, когда тебе придётся
признать, что возвращенье невозможно,
потерян путь и некуда идти,
вчерашний свет взойдёт звездой высокой
и память возвращенья незаметно
к сиянью солнца выведет тебя.

Неправильная сирвента

Синее солнце и белый камень.
Ветром раздетыми деревьями —
Поздняя осень. И рядом с нами —
Незнакомые лица.
Между стеклянными берегами
Окон плывёт городское пламя
Там, где в разорванном проводами
Воздухе реют птицы.

Там, где не помнить родства так просто,
Как вам живётся, братья и сёстры?
Каждый ваш дом – не крепость, но остров
Золотой середины.
Лезвие вольности слишком остро.
Бродят в толпе весёлые монстры,
Пишет портреты граф Калиостро
И продаёт картины.

Нет, одиночество нам не лгало:
Будущее в прошедшем восстало.
Каждый теперь читает журналы,
Бывшие прежде хламом.
Но в настоящем времени мало.
Как бы свобода опять не стала
Вышею мерою трибунала
Или снесённым храмом.

Я говорю об осени поздней.
Вновь зимний холод нам строит козни.
Небо темней и воздух морозней,
Море города стынет.
Чьё-то чужое горе серьёзней
Жалких причин бесконечной розни.
Жизнь – солёная влага. Что с ней
Делать в морской пустыне?

Время хлопочет о вечной ренте.
Снится мне зелень на континенте
(Слишком мне тесно в моей сирvente,
Слишком слова упорны...).

Снится мне мёртвый Дантон в Конвенте,
Солнце в оптическом инструменте,
Лезвие вольности в чёрной ленте —
Меч Бертрана де Борна.

«Я голос тёмной комнаты. Переведи меня...»

Я голос тёмной комнаты. Переведи меня
на диалект твоей косноязычной речи
дословно – и без лишних слов – гордиться нечем —
прости, что искалечен воровством вранья.
Твоих метаморфоз непривлекателен словарь
и то, чем ты богат, не обещает чести,
и сердце у тебя в не слишком тёплом месте,
творец небесных бестий, ты – земная тварь.
Но выслушай меня, переведи мой крик глухой
на измерение мерцающего слова,
но выведи меня хотя бы из пустого
тщеславия – и снова в неутешном счастье скрой...
Я тоже голос – существо пространства твоего —
дыханье сорвано – твоё существованье...
...Кровь горлом – если может кровь идти из ничего.
Из тёмной комнаты, из пепла, из молчанья.

Ныне и прежде

Тягостным мартом, о Цезарь, тоска твоя
напоминает, что нет над страхом судьи.
Ныне и прежде никто себе не судья,
что бы ни обещали иды твои.

Мир отвечает улыбками древних лиц
на удивленье доносчиков правых дел.
Фасции славы – защита одних убийц,
чтобы с другими равняться никто не смел.

Снег продолжает таять и старость – спать,
небо тревожней, чем варварский дым костров.
В марте опять умирает Цезарь. Опять
меньше крови и лести и больше цветов.

Вчерашнее счастье – сегодняшним страшным сном,
повышены цены – и август в новой цене...
Ныне и прежде живём мы как бы в другом
измерении – в неизменной стране.

«Город опять оглох и ослеп...»

Город опять оглох и ослеп.
Век мой – холодный каменный склеп.
Я здесь один и полночь темна...
Жизнь моя, ты – кувшин без вина.

Я здесь один. Мы все здесь одни.
Все вечера, все ночи и дни...

Автопортрет (подражание Пушкину)

Мне заказали мой портрет,
И вот, написанный с натуры,
Он выглядит в овале лет,
Как старые миниатюры.

Привыкнув время тратить зря,
Лениво проходил я классы.
Так, без фасона говоря,
Но и без менторской гримасы,

Я вышел праздным болтуном,
А не профессором Сорбонны.
Сквозь правду сердца врать умом —
Центральный штрих моей персоны.

Добавим к этому еще,
Как ансамблируется проседь
С открытым лбом, брылами щек —
И кисть, пожалуй, можно бросить.

Хотя никак бы я не мог
Красавцем писаным назваться,
Каким меня уж создал Бог,
Таким хочу я и казаться.

Две волчьих искорки глазам
Придать, конечно, не премину —
И вдруг портрет мне сделал сам
Многозначительную мину.

«Я подарю тебе долгие дни...»

Я подарю тебе долгие дни.
Солнце блаженных согреет нам руки.
Что ж, нарисуй или лучше начни
На проведённом сквозь Стикс акведуке

Азбуку водных растений учить,
Чтобы сумел кто-нибудь различить
Непостоянство времён своенравных.

Что же касается тайных и явных
Знаков – здесь цвет и эпитет на равных.
Это не сможет тебя огорчить.

1983

«Когда тростник сломается...»

Когда тростник сломается,
Земле отдав поклон,
И я впаду в беспмятство
И украду твой сон,

И ты проснёшься вечером,
Когда не будет дня,
И будешь ты обвенчана
Со мной, но без меня,

И будешь ты обязана
Предметам новостей,
И будешь ты рассказана,
Как сказка для детей,

Тогда душа ранимая
Не станет помнить зла,
И я скажу: «Любимая,
Как долго ты спала!»

1983

Баллада одиночества

Я не умею забывать
людей – и помнить не умею
слова. Земля всё холоднее,
и память умерла опять.
Мне больше нечего скрывать —
я знаю, что всего страшнее:
кругом всё тише, всё темнее
и никого не надо звать.

Я не умею долго ждать
иных событий – и не смею
их торопить; и вновь скорее
спешу дурную весть узнать.
Мне больше не с чего начать —
я знаю, что всего больнее.
Пусть Эвридика ждёт Орфея —
и никого не надо звать.

Я разучился различать
добро и зло. Всего важнее
иная музыка. Сильнее
лекарства нечего искать.
Мне надоело умирать
в толпе: бесплодная затея.
Я знаю, что всего вернее.
И никого не надо звать.

26.12.1983

Нострадамус

Вседержитель тепла и света,
Бог Нострадамуса создал звёзды,
Чтобы предупреждать несчастья.
Сам Нострадамус только отчасти
Знал их язык – и был за это,
Как ни печально, лишён причастья.
Впрочем, всё здесь не так уж просто.

Был Нострадамус хлипкого роста,
Вечно смотрел на светила Бога,
Был оттого близорук немного,
Был так худ, что сложеньем тела
Напоминал корабельный остов.
Впрочем, кому до этого дело.

Голову всё же имел на месте,
Хоть и отчасти, но знал немало,
Знал, какая звезда сверкала
В день рождения человека,
Какая будет сверкать в день смерти,
Предсказывал тайны людского века.

Но при дворе его не ценили,
Жил Нострадамус по общей мерке,
Пускал для короля фейерверки,
Принцам невест обещал богатых,
Купцам – дворянский герб на могиле,
А черни – жизнь в роскошных палатах.

Не возбуждая ни в ком участия
(Только ночами глядя на звёзды),
Так он и жил – дожил лет до ста,
Но до звёзд путь не так уж долог.
Там, скончавшийся без причастья,
Причастишься и ты, астролог.

«Эта горькая луна...»

Эта горькая луна
Сон на острие копья
Незнакомая страна
Острова небытия
Это неизвестный год
Не весна и не зима
Невесомый небосвод
И невидимая тьма

Но и года тоже нет
Нет ни года ни числа
Не закат и не рассвет
Сон на холоде стекла
И над тёмной синевой
Словно колокольный звон —
«Этот мир отныне твой,
Мир без чисел и времён

То, что прежде было – здесь
Ты не сможешь сохранить
Ибо время – то, что есть,
Вечность – то, что может быть
Это пламя в облаках
Эта горькая звезда
Этот мир – в твоих руках
До последнего суда»

Луч на каменной стене
Шум прибоя за стеной
В этом мире, в этом сне
Всё что может быть – со мной
Всё что может быть – играй
В Бога, в дьявола – он твой,
Этот сумеречный рай,
Ад под тёмной синевой

Что же, здравствуй, тихий час
Поле, синие холмы
Вечный сон раскрытых глаз
Новый дом незримой тьмы
Что ж, начнём сначала жить
Не считая долгих лет
Ни к чему в душе хранить
То, чего на свете нет

Мир без чисел и времён
Ночь, скажи «прощай» всему
Этот мой последний сон
Не увидеть никому
Острова небытия
Сон – на тверди ледяной

...В этом мире нет тебя.
Жизнь моя, побудь со мной...

10–11.01.1984

«Я найду иное время года...»

Я найду иное время года,
Я найду иные берега,
Где под чёрной чашей небосвода
Скорбь друзей не радует врага.
Где смеётся время сожалений,
Плачет время радости без слёз.
Где игру зеркальных отражений
Незачем воспринимать всерьёз.

Я найду иной источник света,
Я найду иной священный сад,
Где не существует чёрных гетто,
Мёртвых птиц и каменных громад.
Где не надо разрушать устои
И стоять, не поднимая глаз.
Где уносит ветер всё пустое,
Что ещё разъединяет нас.

Нас, случайной радостью бесценной
Выведенных прочь из толчеи,
Болью, а не зельем Авиценны
Вылечивших горести свои.
Нас, чьих лёгких рук никто не сможет
Даже силой боли развести!
...Всё, что я найду – твоё! И всё же
Что же мне ещё тебе найти?

Я найду исход, где нет исхода,
Я иную музыку найду!
Слышишь ли? – иное время года —
Музыка – живёт в моём саду!
Кто мы? Лишь два голоса из хора
Вечности. Не в наших ли руках
Эта вечность, где мы будем скоро —
На иных, не дальних берегах.

13.01.1984

Памяти И. В. Цветаева

I

Профессор, Вы оставили в наследство
России все культуры и века,
Волшбу Египта, эллинское детство,
Величье Рима... Слишком велика

Заслуга Ваша, чтоб река забвенья
Ваш образ унесла из новых дней,
И я склоняюсь перед Вашей тенью
Близ вечных статуй и живых теней.

II

Дом Вечности – Музей. Его приметы
Знакомы каждому из горожан.
Гремели войны. Падали кометы.
Музей стоял. Весь шар земной дрожал

От боли, гнева, ненависти. Дымом
Заволокло последнюю черту.
Музей стоял. Стоял неколебимо,
Храня в себе живую красоту.

III

На числах века время Вашей жизни
Прошло – и всё же Вы остались жить.
Профессор, Вы оставили Отчизне
Два чуда – как же Вас благодарить!

Стихи, картины, черепки – живые
Свидетели тому: из жизни всей
Два чуда Вы оставили России —
Марину, Вашу дочь – и Ваш Музей.

13.01.1984

Песенка трубадура

Донна, если я увижу
Вас среди прекрасных донн,
Вам учтиво, чуть поближе
Подойдя, отдам поклон.

Если при дворе монарха
Встречу Вас, кого люблю,
Я отдам поклон без страха
Вам, а после – королю.

Но когда между влюблённых
Рыцарей увижу Вас,
Я забуду о поклонах
И возьмусь за меч тотчас!

16.01.1984

«Не верь легендам старинной зимы...»

Не верь легендам старинной зимы
время холода лжёт
Когда мы выйдем из белой тюрьмы
в небе растает лёд

Исчезнет изморось на стекле
и лживое время вьюг
И мы построим дом на земле
из наших сплетённых рук.

16.01.1984

«О память! – вечный вечер...»

О память! – вечный вечер
Растаявшего льда!
Звезда случайной встречи
Январская звезда

О память! – вечный вечер
Твой календарь
Звезда случайной встречи
Январь, январь...

Блистающее пламя
В железной толчее
Твоя судьба – волнами
В невидимом ручье

Блистающее пламя
Бессчётных вёрст
Твоя судьба – волнами
Последних слёз

«Когда-нибудь меня найдут уснувшим...»

Когда-нибудь меня найдут уснувшим
Под деревом на берегу морском
К земле прижавшись мертвенным виском
Я музыку немую буду слушать

И не посмеет человек нарушить
Мой сон, зверь обойдёт меня кругом
И будут над моим последним сном
Как бабочки кружить чужие души

Священник скажет Господу: «Аминь!»
На месте сердца вырастет полынь
Смерть унесёт двадцатое столетье

И если через год в моей стране
Друг или недруг вспомнит обо мне —
Даруй ему, Спаситель, долголетье.

18.01.1984

Иная музыка

Я тихо говорю мои слова
И отвечаю невпопад прохожим
И если жизнь моя едва жива
Ей только слово тихое поможет

И там где тень полуживой любви
Хоронят духовые инструменты
Возносит ветер ввысь слова мои
И ласковые траурные ленты

Иная музыка живёт во мне
Как бы во сне, чуть слышная. Незримо
Она живёт в духовной тишине
И в шуме городском неразличима

Иная каждый день – всегда одна
Меня мир – от века неизменна
Как бы во сне живёт не зная сна
В душе моей гармония вселенной

Когда, преодолая горький стыд
Пытаюсь я уйти от чёрной власти
Всесильной ненависти, что стоит
В моих дверях предвестьем всех несчастий

Зло бьёт наотмашь по моей вине
Кругом темно – и нет пути иного
В мой чёрный день являются ко мне
Иная Музыка, иное Слово

Сначала Музыка, едва дыша,
Касаясь струн, не тронутых рукою
Приходит – и ожившая душа
Обречена блаженному покою

И следом Слово медленно встаёт
И раскрывает тайные значенья
Как двери ночи, словно отдаёт
Больной душе ключи от заключенья

И жив мой мир. И жизнь моя жива
И наяву скорбя и торжествуя
Я тихо говорю мои слова,
Воспринимая музыку иную.

3.02.1984

Второе письмо к Марии

Ни подруги, ни прислуги, ни знакомых
И. Бродский

Я вновь пишу тебе письмо затем,
Что не пришлось успеть договорить,
И в памяти вчерашний голос нем,
И чуть жива невидимая нить,
Связующая времена – и нет
Прошедших дней: их пыл испепелён,
И если время памятных бесед
Прошло – каких нам ждать ещё времён?

Не говори, Мария, «может быть».
Что может быть, то может умереть,
А нам пришлось, зачем – Бог знает, – жить,
Со всем расстаться, чтобы всё иметь
И не уметь любить – уметь терять
Любимых, время, – ради тишины
В душе, которой не дано узнать
Покоя, – чтобы снова видеть сны.

Не сном ли было Рогово? Отметь
В тетради, что потом была зима.
В холодный день легко окаменеть
Любви – из камня ли она сама?
И мы стоим на разных берегах
Реки забвенья – мост ли навести?
Но из чего? Наш древний камень – прах,
А чистый снег у Солнца не в чести.

Сестра моя Мария, всюду – тьма,
Где нет постылой снежной белизны.
Деревья, люди, облака, дома
Нам не простят Бог весть какой вины.
Склоняется на Запад Солнце дня,
Подруги нет – ни друга, ни подруг,
И с миром человечества меня
Связуют письма – так замкнулся круг.

6.02.1984

Предисловие о Германе Франке¹⁹

Героя нет и не было. И всё же
Он есть и был – и будет, может быть.
Нас, существующих, связует нить
Времён с Несуществующим, быть может.

И Герман Франк, чья жизнь совсем несхожа
С моей и вашей жизнью, – мог бы жить,
Как вы и я. Не нам его судить.
Он – вы и я. Он ближе и дороже

Мне слишком многих из живых людей.
Он – ваша жизнь и часть души моей —
Как мы, бессмертен и недолговечен.

И я пишу о нём – куда? кому?
Прошёл мой День – и близится мой Вечер,
И скоро Ночь возьмёт меня во тьму.

21.02.1984

---

¹⁹ Предисловие к незавершенной книге стихов «Иная Музыка», написанной от лица вымышленного автора Германа Франка.

Письмо о ручье

О.А.

I

Без тени плоть. Без смерти, день за днём,
Выплёскиваясь полновесной влагой,
Течёт ручей. И мы в ручье течём
Листвою, щебнем, перьями, бумагой...
И что есть гордость волей и отвагой,
Когда наш путь определён ручьём?

II

Исток ручья... Но где его исток?
Нельзя найти ни дельты, ни истока.
Не нам дано всевидящее око
И дна не видно: водный путь глубок.
И в поисках ориентиров прока
Нет никакого: нас несёт поток.

III

Куда уносит нас течение дней,
Ночей течение и речей течение?
То радости у нас, то огорченья,
Погода то теплей, то холодней...
И если в этом наше назначенье,
К чему спешить? чем дальше, тем верней.

IV

И всё же нетерпением одним
Мы живы. Нетерпением мы правы
Перед собой, когда мы жаждем славы,
Любви, покоя – и опять спешим
Опередить события. Мы лукавы
И льстивы перед Будущим своим.

V

Но Будущее даже через час
Негаданно, как смерть, неотвратимо;
Но Будущее вновь и вновь незримо
И без конца обманывает нас.
Оно играет с нами пантомимы
И прерывает начатый рассказ...

VI

Гадалка, что в любой душе живёт,
Раскроет нам, что было и что будет,
То оправдает, это не осудит,
Потерянное счастье нам вернёт,
Но Будущее жар души остудит,
Смешает карты и предъявит счёт.

VII

И все мы платим золотом времён,
Бесценных дней разменной монетой.
И Будущее роковой кометой
Над нами рассекает небосклон.
Становится ручей рекою Летою,
И где-то ждёт нас лодочник Харон...

VIII

Фортуна! Не твоим ли колесом
Раздавлены поэты и пророки?
Сбываются предсказанные сроки
И плещется забвеньё под веслом,
И много нас – и все мы одиноки.
И где же мы теперь? И где наш дом?

IX

Но в мире есть одно из высших слов

И Будущее – только буква Слова!
И падает на землю дождь цветов
Из глубины покоя голубого.
Мы все бездомны. Не нашедшим крова
Одно укрытье – благостный Покров.

X

Я знаю – есть одна из высших сил
Во тьме, на свете, в сумерках – повсюду,
Перед которой я извечно буду
В долгу, которой я всегда платил
Печалью. Но она подобна чуду,
Подобна Солнцу меж других светил!

XI

...Любовь моя, позволь мне говорить
С тобой без лишних слёз и сожалений!
Нам не дано постигнуть суть явлений,
Но что сумеет нас разъединить?
У нас есть Слово. Словом, нет сомнений,
Что в мире есть один глагол: ЛЮБИТЬ!

XII

Любовь моя, и смерть, и жизнь моя,
И Лета, и ручей – стремятся к морю.
Я ошибаюсь, может быть, не спорю,
Но я влеком течением ручья...
И говорю не я, я только вторю
Бессмертному Глаголу Бытия!

XIII

Любовь моя, храни мой хрупкий дар,
Мой древний мир, моё слепое зренье,
Любовь моя, ты – первый день творенья,
Семь красок счастья, семь небесных кар,
Ты – соль земли, ты – суть стихотворенья!
...Я болен, – кто остудит этот жар?!

XIV

Никто! Любовь моя, не прерывай
Меня! Я всё скажу. Я всё успею
Сказать. Дай руку мне – и я согрею
Её моим теплом! Не отнимай
Руки! Восходит Солнце. Всё светлее
Кругом! Прости, Вчерашний День, прощай!

XV

Любовь моя, ты – солнечного дня
Начало, мера всех вещей, течение
Ручья, моей судьбы предназначенье,
Ты жизнь и смерть, огонь и дым огня,
Ты – Роза Мира, счастье обрученья!
...Друзья мои, молитесь за меня!

XVI

Я поручу любовь мою Тому,
Кто знает всё, Кого никто не знает,
Чьё Солнце испокон веков сияет,
Кто дал нам жизнь и свет, низринув тьму!
Господь мой! Слабый дух мой поручает
Любовь мою бессмертью Твоему!

XVII

Господь Христос, храни любовь мою
От всех невзгод, соблазнов, горя, боли,
От страха смерти, от земной неволи,
Дай на земле ей счастье и в Раю!
Хвала Творцу! Мир людям доброй воли!
Жизнь есть ручей – и нет конца ручью...

1984

«Если скажу тебе всё, что умею сказать...»

Е.В.

Если скажу тебе всё, что умею сказать,
Если отдам тебе всё, что успею отдать,
Если открою тебе всё, что было сокрыто —
Не говори мне, что время не станет нас ждать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.